

Артур Геден

ЛИЛИТ

Злое сердце куклы

Она заберет твою душу...

Черные лебеди. Мистические триллеры

Артур Геден

Лилит. Злое сердце куклы

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гедеон А.

Лилит. Злое сердце куклы / А. Гедеон — «Эксмо»,
2023 — (Черные лебеди. Мистические триллеры)

ISBN 978-5-04-192034-0

У крупного бизнесмена больна дочь Женечка — уже пять лет она не может ходить из-за травмы спины. Отец хочет сделать ей подарок и заказывает огромную куклу у очень известного мастера-затворника, работающего на местный театр и частных коллекционеров. Кукла необыкновенно красива, максимально очеловечена. Женечка сразу влюбляется в нее и называет Лилит. Через месяц ноги Жени оживают. Но уже скоро «отношения» между девушкой и куклой заставляют родителей серьезно недоумевать, а потом и нервничать. Зависимость Женечки от Лилит превращается в странную болезнь. Отец и мачеха решают отобрать ее у дочки, но поздно. Кукла занимает слишком большое место в жизни Женечки. Всю ее жизнь... Романы Артура Гедеона из серии «Черные лебеди» — мистические триллеры с исторической подоплекой, где переплетаются реальность и потусторонний мир, оживают потаенные страхи, а городские легенды и старинные предания находят новое воплощение в наши дни.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-192034-0

© Гедеон А., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	25
Часть вторая	41
Глава первая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Артур Геден

Лилит. Злое сердце куклы

© Геден А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Пролог

СССР, 1959 год

Он вышел из дома и направился к трамвайной остановке. Собранный, точно знающий, что сейчас должен сделать. Главное – идти по намеченной прямой, ни шага в сторону. Весна счастливо захлестывала город пронзительной свежестью, всей полнотой жизни. Кругом хлопали на ветру кумачовые транспаранты с яркими лозунгами. Все, как один, звали к новым подвигам, великим достижениям и миру во всем мире. А как иначе – через несколько дней Первомай, шумные демонстрации, счастливая толчея, еще дружные семейные застолья. Все то, чего у торопливо шагавшего юноши в широких брюках, просторной рубаше и мешковатом пиджаке и в помине не было. В одном из дворов ладно заливалась «Катюшей» гармонь, соревнуясь с отчаянным перелаяем собак, в парке напротив, через трамвайные пути, слаженно играл духовой оркестр. Стайка девочек в красных галстуках, смеясь, пролетела мимо, но, увидев офицера в мундире и при медалях, поравнялась и по-пионерски отсалютовала; он в ответ козырнул им, и радостные пионерки стремительно понеслись дальше.

И ему бы сейчас откликнуться всем сердцем на порывы этой весны юношеской душой, но было не до того. С зубовным скрежетом вдоль парка повернул доходяга-трамвай и, замедляя ход, пошел к остановке. На колбасе умело балансировали два мальчишки-оборвыша и демонстративно махали руками. Юноша прибавил шаг. Длинный для своих шестнадцати лет, худой, сутулый, с высокой копной пшеничных волос, он забрался в трамвай, оплатил билет и сел на свободное место.

На следующей остановке в трамвай ввалились два прибалтанных паренька. Один лет восемнадцати, цыганистый, черноглазый, в заломленной назад кепке, другой – помоложе, рыжий и курносый, похожий на задиристого дурака. Пассажиры отворачивались – никто не хотел пересекаться с ними взглядами.

– Билеты покупать будем? – спросила кондуктор.

– Сейчас, маманя, только местечко нагреем, – миролюбиво сказал чернявый.

– Вот сейчас и платите, или милицию позову, – пригрозила та.

– Ладно, ладно, чё сразу легавых-то звать. На охоте, что ли? – Он хлопнул себя по бокам. – Дай по карманам пошмонать, а то у нас вся капуста червонцами, – показно хохотнул парень, – мелочь еще поискать надо.

Он огляделся и, хитро прищулив один глаз, направился в сторону длинного тощего юноши интеллигентного вида. Чернявый и рыжий плюхнулись на сиденья перед ним и, перемигнувшись, как по команде обернулись. Таких спутников только врагу пожелаешь.

Парень в кепке осклабился, остро сверкнул золотой фиксой.

– Куда едешь, пацан?

Юноша отвернулся к окну.

– Куда надо.

– Ты чё такой дерзкий? Со старшими надо уважительнее. – Он понизил голос: – Это мой трамвай, пацан, я тут хозяин. Кондуктор билеты раздает, я монеты собираю. С тебя полтинник, пацан.

Юноша упрямо смотрел в окно.

– Слышь, длинный, ты смотри, когда с тобой говорят. Ставки повышаются. И мне полтинник, и Юрку, – кивнул он на рыжего. – Ему тоже в кино и мороженого охота. Да, Юрок?

– Ага, – откликнулся тот, показав щербатый рот.

– Вы чего деньги вымогаете у парня? – возмутилась представительная дама с уложенной клумбой волос на голове, сидевшая за спиной тихого юноши. – Хулиганье!

– А вам чё надо, тетя? – возмутился в ответ парень с фиксой. – Чё вы людям говорить запрещаете, старым корешам? Мы, может, в одном классе учились? Я, может, его сто лет не видел? Я вообще сын полка и свои права имею.

– Какие вы старые кореша? И какой ты сын полка? Жиган ты. И ни в какой школе твоей ноги отродясь не было. Я что, не вижу, как вы у него деньги выманиваете? Сейчас кондуктору скажу, а у нее свисток. Быстро милиция-то подоспеет!

– Слышь, пацан, скажи, что мы старые кореша, – потребовал цыганистый в кепке. – Пусть тетенька увянет. У меня уши музыкальные – за здоровье беспокоюсь.

Но юноша смотрел в окно. Нельзя ничему помешать сделать так, как нужно. Ни гром и молния, ни война, ни конец света не должны остановить его. Он обернулся к женщине за спиной и миролюбиво сказал:

– Все хорошо, спасибо.

А потом остановил взгляд на острых карих глазах цыганистого с фиксой. Юноша смотрел упрямо и не опускал глаза.

– Ты чё устался, сучёныш? – наконец тихонько, но явно с угрозой в голосе спросил чернявый. – Ты чё мне тут рисуешь? Гипнотизер, что ли? Мы ведь можем и с тобой вместе выйти, – понизил голос наглый парень в кепке. – Куда ты, туда и мы. Так хочешь? – Он зашипел, кивая на товарища: – У Юрка кулаки как кирпичи, начнет колотить – не остановишь. Испытать хочешь? А, Юрок, отметелим тощего?

– Ага, – кивнул тот.

Худой юноша перевел взгляд на рыжего и заглянул в его туповатые глаза.

– Чё он пялится, а, Сыч? – спросил у товарища рыжий. – Больной, может?

Худой юноша улыбнулся чернявому с фиксой:

– Вам нужен полтинник?

– Ну? – спросил тот. – Только дошло?

Юноша забрался в карман пиджака, порылся там и что-то протянул вымогателю:

– Фокус-покус. Держите.

– Зря ты это, мальчик, – неодобрительно сказала тетенька с клумбой на голове.

– Во, другой разговор, – ожил чернявый. – Сразу бы так. А моему братишке? – Он кивнул на туповатого спутника. – Юрку тоже полтинник нужен, а то он плакать будет. Будешь, Юрок?

– Буду, – мрачно ответил тот.

– Вот и ему полтинник, – сказал долговязый юноша и тут же поспешно встал.

Трамвай как раз тормозил перед очередной остановкой. Юноша вышел и заторопился в сторону Старой площади, где ждали пассажиров два обшарпанных довоенных автобуса.

Чернявый и рыжий заторможенно смотрели на то, что лежало у них на ладонях.

– Полтинник, кажись? – спросил чернявый. – Или рубль дал – промахнулся? Я чё-то не секу...

– А у меня чо? Гривенник? – хмурился рыжий. – Обманул, падла? На кино не хватит.

– Чего, дурни, смотрите? – усмехнулась женщина с клумбой на голове, выходящая на следующей остановке через переднюю дверь. – У вас в руках по гайке. У одного большая, а у другого маленькая. – Ближайшие пассажиры уже тянули шеи в их стороны – всем хотелось посмотреть на «фокус-покус». – Вот таких гаек вам в башке и не хватает. А паренек-то хитер – обвел вас вокруг пальца, паразитов, – рассмеялась дама. – Ему бы в цирке с такими талантами выступать!

Фырчал и кашлял старый автобус, кряхтел и захлебывался во время переключения скоростей, но катил быстро. На нем юноша покинул город, переехал по мосту через речку Лиховую, промчался по старинному селу Зырино и вышел на дальней его окраине. Слева поднималась построенная еще до революции кирпичная водонапорная башня, а справа, за плотным

высоким забором и буйно зацветающим садом, крепко стоял, построенный на века, большой патриархальный дом.

Юноша бывал тут нечасто. В этом доме поколениями росли его предки, но так случилось, что отца, художника, тут не жаловали. Однажды тот сказал, что не хочет иметь ничего общего со своей безумной родней.

И причина на то была. Семью Беспаловых избегало и побаивалось еще с давних времен все село, и даже теперь, в советские времена повсеместного атеизма, потому что числились они потомственными колдунами. Юноша отворил калитку и двинулся по широкой тропинке к дому. Весь фасад был покрыт хитрой резьбой, где можно было разглядеть и смешные фигурки людей, и животных, и всякие символы. Юноша знал: каждый из них значит очень много, весь этот рисунок – целое письмо, но никто и никогда не говорил ему, кому оно предназначено и что скрывает. Помнил только, как ему про эти каракули сказал дядя, уже покойный: «Этим языком наши боги с нами говорят, малыш. Вырастешь, может, и узнаешь, что к чему, если дед Берендей позволит. Он отца твоего проклял, брата моего младшего, и тебе, семени его, не шибко доверяет». Помер дед Берендей, но так и не посвятили юношу в тайное письмо предков.

На крыльце сидела его бабка Чернуха, в миру Евдокия, чтобы вопросов не было, в старом плетеном кресле. Одета она была в черное, с платком на голове. Кто из сельчан увидит – пробежит мимо. А поймает ее взгляд – сразу в церковь. Сидела она, как сфинкс, положив руки на широкие лопухи-подлокотники, по-хозяйски откинувшись на спинку. Тут же, на узкой тесной скамейке дремал родной дядя юноши – младший брат отца Ёж, в миру – Никодим. В поддевке, широких штанах и старых хромовых сапогах.

– Редкий гость, – процедила бабка Евдокия. – А как вытянулся.

Но сказала это с радостью – как-никак, родная кровь. По-своему она очень любила внука.

– Ой ты, племянник пожаловал! – приподнявшись на локте, усмехнулся Никодим. – Как там братец мой поживает? Малевальщик? Пьет горькую?

– Иногда пьет, – стоя перед лестницей, потупил взор юноша.

– А мать все блудит?

– Не знаю, – обиженно нахмурился гость.

– Не терзай ты его, дурень, – осекла бабка Чернуха сына-словоблуда. – И так у него не дом, а худое сито. Ну, отрок, зачем пожаловал? Вижу: нужда приключилась, и по нашей части. Верно?

– Верно, бабушка, – ответил юноша. – Большая нужда.

– И срочная?

– Очень срочная.

– И сердечная?

– Да, бабушка, – вспыхнул он.

– Говори, милый, помогу, чем смогу.

– Может, в дом пойдем? – покосившись на пересмешика-дядю, предложил юноша.

– Пойдем, милый, пойдем. Поднимайся. А ты дом стереги, Никодим, – в шутку наказала она сыну. – Чтобы мышь не пробежала.

– Из дома или в дом? – пошутил тот.

– Балабол, – откликнулась старуха, взяла внука за плечо, нагнула, поцеловала в темя и подтолкнула к открытым дверям.

В избе она усадила его в красный угол, самый нарядный и ухоженный, правда, не было тут никаких образов, как в других, и быть не могло. Но висел высеченный из дерева лет двести назад почерневший старик, длинноволосый, в одежде до пят, с посохом. Он подозрительно смотрел на всякого, кто сюда входил, садился за стол, а может, и слушал, о чем говорят.

Юноша стал рассказывать – со всей положенной его возрасту страстью и всей болью, которую переживал сейчас.

– Задачки ты задаешь, внучок, – покачала головой бабка Чернуха. – Чтобы помочь, я должна открыть тебе несколько тайных дверей, одну секретнее другой. Твой дед Берендей, муж мой, будь он жив, никогда не позволил бы мне этого сделать, – он проклял своего сына, твоего отца, и не верил тебе. Но я верю, милый, потому что знаю: тебе передан наш дар. Ни трем моим сыновьям, а именно тебе. И вот мой выбор. Помогу тебе – прогневолю мужа. Каким словом он встретит меня там, куда все уходят? А не помогу – прогневолю господина-Чернобога, – она указала кривым пальцем на деревянного идола. – И Мару с Мороком тоже прогневолю. – Старуха прихватила его руку костистой клешней. – Только и ты, внучок, должен решить для себя, как тебе быть дальше.

– Что я должен решить, бабушка?

– Дать слово, что будешь служить семье и нашим богам.

– Даю слово, – кивнул он.

– Какой ты шустрый, – усмехнулась старуха. – Но это хорошо, что сразу согласен. Стало быть, сердцем говоришь, только так и надо. Я буду читать заклинания, а ты повторять их за мной – слово в слово. Долго буду читать – помни.

– Хорошо, – кивнул юноша.

– И еще помни: ее душа останется между небом и землей, будет ждать, сколько надо. Там времени нет. Но пока она здесь, сама должна решить, что согласна на это. Сама. Ты ее неволить не вправе. Да и захочешь – не сможешь. Тут каждый за себя решает. И если она решится, то пусть скажет на самом пороге, когда ты все отчитаешь, такие слова: «Согласна! Забери меня из рук смерти, уведи в сад покоя, где я буду ждать, когда ты вернешь меня». Понял?

– Понял, – с бешено колотящимся сердцем ответил юноша.

– Хорошо. Сил тебе придется отдать много. Может, потеряешь что-то из своего. К этому тоже будь готов. И последнее – тебе понадобится сосуд, куда ты вольешь ее душу и принесешь в мир живых. Всего-то навсего, проще некуда, а, внучок? – сжав его руку прокопченной клешней, сухо рассмеялась бабка Чернуха.

– А какой это сосуд? Где его взять?

– Узнаешь.

– И все может получиться?

– Моя бабка Волчица говорила так: «Пусть нас пугают: Бог дал – Бог взял, а мы у Него назад заберем». Ты и заберешь, Саввушка, коли сила дана, а я помогу, направлю, лучинку во тьме для тебя подержу. А теперь запоминай заветные слова, что она должна услышать в те самые мгновения, когда с краешка жизни сорвется в тьму кромешную...

Часть первая

Дворец для принцессы

Глава первая

Лучшая подруга

1

В открытые окна усадьбы, через благоухающий цветами парк влетели отдаленные звуки автомобильного клаксона. Три раза с дороги, затем повторилось, и еще три раза у самых ворот. Радостнее позывных Женечка еще не слышала.

– Это он! – вцепившись в подоконник, воскликнула она. – Он привез ее! Илона! Аннушка!

– Конечно, привез, – откликнулась домоправительница, занимавшаяся цветами. Она переглянулась с молодой горничной в белоснежном фартуке и чепце, с влажной тряпкой в руках. Та показно сморщила нос, на что домоправительница осуждающе нахмурила брови, что означало: «Прекращай-ка мне, слышишь?» И тотчас ласково обратилась к девочке:

– Павел Константинович всегда выполняет свои обещания.

Рыжеволосая зеленоглазая девочка-подросток в белом платье жадно всматривалась в аллеи, проходившие через роскошный зверинец, созданный из кустарников и небольших деревьев. Тут были слон и слониха с тремя слонятами, два носорога, бегемот, львы, жирафы и кенгуру, пони и даже большой одинокий орангутанг. Все эти звери росли вместе с ней, на ее глазах обретали художественный образ, выразительность и характер, и у каждого было имя, которое Женечка дала сама. Зеленые и такие родные, крепко сплетенные из густых ветвей и плотных листьев.

И вот на аллее появился ее отец с букетом белых роз. Он махал ей свободной рукой, за ним шагал гигант шофер и нес в руках коробку в половину человеческого роста, увитую золотыми, алыми и голубыми лентами. Отец красноречиво послал дочери воздушный поцелуй, Женечка потянулась к нему и тоже замахала руками.

– Люблю тебя! – крикнул отец.

– И я тебя! – ответила она. – Скорее же! Скорее!

Коробка в руках шофера притягивала взгляд, как магнитом. Сокровище, обещанное сокровище! Долгожданное, ее, только ее!

Отец и шофер скрылись, парк наполнился июньской полдневной тишиной. Зато вскоре послышались шаги в коридоре второго этажа. Женечка привычным движением нажала на кнопку пульта, кресло-каталка с легким жужжанием развернулось от окна к двери.

– Нам уйти? – спросила домоправительница Илона.

– Нет, оставайтесь, хочу, чтобы вы тоже увидели.

– С удовольствием, – перехватив взгляд горничной, сказала та. – Столько в доме было разговоров...

Через мгновение двери открылись, и отец переступил порог с той же подарочной коробкой в ярких лентах.

– Вуаля, принцесса! – весело сказал он. – Я принес тебе обещанную сестренку.

Ее кресло отъехало от окна в сторону отца с долгожданным подарком.

– Открывай, папа, – проговорила дочка.

– А маму ждать не будем?

– Нет! – Ответ прозвучал категорично.

И слово «мама», несомненно, резануло девочке слух.

– Как скажешь, милая. Но Зоя может на нас обидеться.

– Пусть.

– Ладно.

Отец положил коробку на большой низкий столик и демонстративно потянул розовую ленту – бант развязался. Затем синюю – разошелся второй бант. Только потом он быстро и ловко избавился от золотого банта. Женечка неистово захлопала в ладоши, словно перед ней только что был исполнен цирковой номер высочайшего класса. Но она-то знала: это почище любого номера – сейчас ее ждало чудо. Отец потянул крышку – та осталась в его руках. Женечка подъехала ближе, осторожно подошли домоправительница и горничная. В подарочной коробке лежала огромная рыжеволосая кукла в багряном средневековом платье, расшитом золотом, с золотой короной-обручем на голове. Ее лицо было максимально очеловечено и казалось живым. Яркие зеленые глаза весело и цепко смотрели на хозяев и слуг.

– Бог мой, – непроизвольно воскликнула Илона и переглянулась с Аннушкой. – Как живая!

– А то, – усмехнулся отец Женечки. – Фирма веников не вяжет. Произведение искусства. Постарался искусник Савва Андронович Беспалов.

– А кто он? – спросила Илона.

– Ты когда последний раз была в нашем театре кукол?

– Никогда.

– Вот тебе и ответ. Беспалов – гений; художник, скульптор, кукольник с большой буквы, его во всем мире знают.

– А-а.

Кукла светилась червонным сиянием платья и волос, но в глазах было сосредоточено еще больше света.

– Дай ее мне, – попросила Женечка и протянула руки.

– Бери, – сказал отец, аккуратно вытащил куклу из ее уютного картонного домика и передал дочери. – Знакомьтесь, девочки, – скосив глаза на домоправительницу и горничную, предложил он. – Важный момент.

– А как ее зовут, папочка?

Отец и дочь задумались. Вот какая странность: лицо куклы словно скопировали с живого человека – очень красивой молодой женщины. Или это была фантазия талантливого мастера? Такая красота должна была изначально носить имя, но скульптор то ли забыл, то ли не захотел давать его. Или он следовал неписаным правилам? Кажется, последнее и было истинно.

– Ты сама должна дать ей имя, – ответил отец. – Я так думаю.

– Хорошо. Как тебя зовут, сестренка? – глядя в зеленые глаза куклы, спросила Женечка. – Ответь мне, пожалуйста.

Прошла минута, другая, третья... Хозяин дома и две женщины успели несколько раз переглянуться.

– Ну, что она тебе говорит? – пошутил отец.

Девочка заворуженно смотрела в глаза куклы. Но и она смотрела на нее, в этом не было сомнения. Зеленые глаза – и другие тоже зеленые. Девочка испытывала куклу, та – свою новую юную хозяйку. Не знали заботливый отец девочки и прислуга, что слуха девочки только что коснулись звуки. Их не существовало ни в этой комнате, ни за ее пределами. Но Женечка сей-

час слышала то, чего не мог уловить никто, кроме нее. Так кошка слышит ночью все звуки в спящем доме, которые не касаются и не могут коснуться слуха хозяев. Это был чей-то голос, настойчивый и ласковый одновременно. Обволакивающий призывный шепот. А за ним следовало настойчивое эхо...

– Я назову ее Лилит, – вдруг сказала она.

Отец нахмурился:

– Как ты назовешь ее?

– Лилит.

– Странное имя. Может, лучше Катюша или Алиса? Или Пелагея, например.

– Нет, Лилит, – строго подтвердила Женечка. – Ты сам попросил дать ей имя, папочка.

Кажется, дочь готова была обидеться на то, что ей не доверяют. Отец переглянулся с Илоной, пожал плечами:

– Ну, как скажешь, милая.

В комнату вошла мачеха Женечки – длинноногая, в банном халате, затянутом широким поясом на осиной талии, с мокрыми светлыми волосами и гребнем в руках.

– Что я пропустила, ну-ка, признавайтесь? – нарочито весело спросила хозяйка. – Боже, какое чудо! – увидев в руках падчерицы подарок, она шагнула к Женечке, но та непроизвольно отдернула куклу и еще крепче вцепилась в нее. – Что с тобой, золотко, я хочу посмотреть...

Домоправительница поспешно сказала:

– Пойду займусь праздничным столом, – и ушла.

За ней торопливо и молчком устремилась горничная. Между падчерицей и мачехой всегда возникало слишком много электрических разрядов.

– Дочка, ты что? – с легким укором спросил отец.

Женечка, словно опомнившись, не сразу, но протянула мачехе куклу.

– Только осторожнее, Зоя.

– Ну разумеется. А что с ней случится? Она обидится на меня?

Девочка нахмурилась:

– Нет, она обидится на меня.

Отец покачал головой:

– Главное, что кукла ей понравилась. Даже очень. Так ведь, милая?

– Очень, – уверенно кивнула дочь. – Спасибо, папочка. А теперь ты, Лилит, скажи, скажи...

– Лилит? – перебив ее, поморщилась мачеха. – В смысле, Лиля?

– Лилит, Лилит, – многозначительно посмотрев на жену, уточнил Павел Константинович.

– Правда? – она подняла брови.

– Да, – еще более многозначительно кивнул тот и озадаченно покачал головой.

– Ладно.

– Ну, говори, – поторопила Женечка. – Говори же... «Спасибо, папочка», – как ни в чем не бывало произнесла дочка за свою куклу нежнейшим голоском, которого никто от нее раньше не слышал, и тотчас заявила отцу: – Она тоже будет называть тебя папочкой, ведь она моя родная сестренка. Ты же не против?

– Нет, конечно. – Оскомин переглянулся с супругой, словно ища у нее поддержки.

– Так, значит, у меня появилась вторая дочка? – нарочито весело поинтересовалась Зоя Владимировна.

Но девочка не ответила, и взгляд ее, встретивший взгляд мачехи, показался той чересчур колючим и чужим.

– Кстати, тебе необязательно говорить за нее, милая. Твоя Лилит умеет говорить сама.

– Как это? – насторожилась девочка.

– А вот так, – ответил отец, достал из кармана пульт и нажал на кнопку.

В кукле родилось что-то похожее на вздох, а потом она изрекла певучим голосом:
«Здравствуй, Женечка! Здравствуй, сестренка!»

Приветствие еще не закончилось, как Женечка отпустила куклу и что есть силы зажала уши руками. В ее глазах отразились непонимание, испуг, даже гнев.

– Что с тобой? – спросил отец, когда дочь опустила руки.

– Убери это, папа.

– Что «это»?

Она кивнула на его руку:

– Это.

– Пульт?

– Да.

– Хорошо, – сказал он и спрятал пульт в карман. – Но что тебя напугало, милая?

– Это не ее голос, – уверенно ответила дочь. – Он чужой.

– А ты знаешь, какой у твоей Лилит голос?

– Да.

Мачеха хотела что-то сказать, пошутить, снять неловкость, но Женечка только схватила в охапку рыжеволосую зеленоглазую куклу и, хмурясь, еще теснее прижала ее к себе. Но сердитой она оставалась недолго – вскоре подняла на родителей глаза и улыбнулась так, как умела делать только она.

– Простите меня, пожалуйста, ладно?

– За что? – спросил отец.

– Хочу побыть одна. До обеда. Можно?

– Конечно, милая.

– Тогда чмоки-чмоки, папочка и Зоя, – очень миролюбиво добавила она. – И спасибо за подарок – о лучшем я и не мечтала. Правда-правда!

Когда родители вышли из комнаты, закрыли за собой дверь и двинулись по коридору, Зоя не выдержала:

– Что сейчас было, Паша? Все это?

– Понятия не имею, – пожал тот плечами. – Каприз, наверное.

– Каприз? Это, по-твоему, был каприз ребенка?

– Она сдерживала себя годами – и вот случилось то, о чем мы с тобой не имеем ни малейшего представления. Надо опять позвонить тому детскому психиатру. Сама говорила: он – кудесник.

2

Пять лет назад они попали в автомобильную аварию, всей семьей. Павел Константинович Оскомин отделался переломом руки, ступни и трех ребер. У его красавицы-жены Зои случился выкидыш, и она потеряла возможность когда-либо иметь детей. А Женечка, веселая, подвижная, рыжеволосая бестия, осталась прикованной к креслу-каталке. Она могла пошевелить пальчиками ног, даже чуть привстать, но даже минимальные движения приносили ей нестерпимую муку. Физиотерапевт все еще исправно навещал ее, но Женечка боялась его как огня и смотрела на заботливого доктора, как на своего личного мучителя и палача. Пяти лет ей хватило, чтобы привыкнуть к своему незавидному положению и начать жить внутренней жизнью. Про школу пришлось забыть. Павел Константинович был весьма состоятелен и мог обеспечить дочери лучшее частное образование.

Выбор подарка на день рождения любимой дочери всякий раз становился великим событием. У Женечки было все, что она могла пожелать, кроме здоровья. Этого отец вернуть ей не мог. Но мог сделать ее жизнь хоть чуточку более счастливой. В позапрошлом году он подарил

ей мини-автомобиль с ручным управлением, чтобы она могла ездить по аллеям их парка, навещая любимых зверей, в прошлом – видеокомнату с объемным разрешением и суперзвук. В этом году хотел заказать ей небольшое колесо обозрения, под второй этаж, с тремя лавочками, и поставить его за особняком на заднем дворе.

Он носился с этой мыслью, пока не оказался у витрины местного знаменитого театра кукол «Лукоморье». Дети обожали его, билеты на спектакли раскупались загодя. Театр много времени проводил на гастролях по России и за рубежом, регулярно привозя домой, к радости областной администрации, ценные медали и почетные грамоты, о чем то и дело талдычила местная пресса.

Месяц назад Павел Константинович припарковался напротив театра кукол – огромной стеклянной стены три метра высотой, разделенной такими же стеклянными дверями. Повсюду висели яркие афиши с фотографиями сцен из самых популярных спектаклей. Пару раз он водил сюда Женечку, когда ей было лет пять. Он хорошо помнил, как она смеялась вместе с другими детьми и хлопала в ладоши, каким восторгом и радостью горели ее глаза. Но после травмы она отказалась от выходов в свет. Позже много раз он проходил или проезжал мимо театра, мельком поглядывая на витрину «кукольного дома», но кроме горечи не испытывал ничего. А тут вдруг остановился. Прекрасная Мальвина и ее печальный воздыхатель Пьеро, в компании с королевским пуделем, приглашали всех горожан посетить выставку кукол театра «Лукоморье», которая проходила в фойе. Называлась она «Волшебный мир Саввы Андроновича Беспалова. Персональная выставка художника к 70-летию со дня рождения». С фотографии под текстом на прохожих доброжелательно смотрел благообразный худой старик с живыми колючими глазами и пышной седой шевелюрой.

Мальвина и Пьеро были так хороши, что Павел Константинович улыбнулся, открыл стеклянную дверь, зашел в театр и купил в кассе совсем недорогой билет для взрослых. Деток, разумеется, пускали бесплатно. А поднявшись на второй этаж и войдя в фойе, по которому бродили любопытные родители и дети, не пожалел, что пришел сюда.

По всему периметру и в центре зала за стеклянными витринами стояли, сидели, летели или вступали в смертельные схватки персонажи русских и зарубежных сказок. Улыбался хитрый весельчак Буратино в неизменном колпаке, крепко державший в деревянных ручонках огромный золотой ключик; ехал на печи беспечный Иван-дурак, а в его ведрке плескалась исполнительница желаний – чудесная щука; лукаво и самодовольно подкручивал усы Кот в сапогах, над которым грозно навис великан-людоед; дрались в небе Руслан и Черномор – витязь ловко прихватил похитителя Людмилы за бороду и тащил лиходея вниз, к земле, чтобы поквитаться с ним. Персонажей сказок тут было не менее полусотни. Всех объединяло удивительное мастерство художника, создавшего их. Одна кукла особенно удивила Павла Константиновича – это была Аленушка, та самая, чей непослушный братец Иванушка испил из лужицы и превратился в козленка. Девушка в красивом сарафане, с широкой золотой косой через плечо стояла за стеклом, левую руку положив на грудь в районе сердца, а правую вытянув к зрителю, будто говоря с опаской свою знаменитую фразу: «Не пей, Иванушка, козленочком станешь!..» Зеленые глаза Аленушки казались абсолютно живыми, мимике сказочной героини могла позавидовать любая драматическая актриса.

– Хороша наша Аленушка, правда? – спросили рядом.

Павел Константинович обернулся. Вопрос задала пожилая женщина, сотрудница театра, следившая за порядком.

– Очень хороша, – согласился Павел Константинович. – Да все они хороши. Но ведь это не театральная кукла как таковая?

– Нет, конечно, это образец. «Идеал», как говорит наш Савва Андронович. А с него он уже потом создает куклу для сцены. Где они только ни побывали, его куклы: и в Англии, и во

Франции, и в Италии. В Америках, даже в Японии. Вот где они всех удивили. Знают японцы толк в куклах, так сказал наш директор. Он сам возил выставку в Японию.

Оскомин про себя усмехнулся: ну, понятно, куда же выставка без директора? Тем более в Японии.

– И пять спектаклей с выставкой возили. Полный аншлаг был, как наш режиссер сказал. А теперь куклы к нашим деткам вернулись. Теперь пусть свои порадуются.

– А он сейчас здесь, ваш кудесник? – спросил Оскомин.

– Кто, Савва Андронович?

– Да, художник, кукольник?

– Не-ет, – скептически протянула смотрительница. – Он тут редко бывает. У него дом за городом, старенький, но просторный. Там, как наши говорят, у него большая мастерская, а тут – угол, не развернешься. Куклы-то вон какие! Гиганты.

– А как бы мне его найти, вашего Беспалова?

Она вздохнула:

– Адрес только директор может сказать. Он сейчас здесь. Должен быть на месте. Кабинет на первом этаже.

– Благодарю, – учтиво поклонился Оскомин.

– Куклу решили заказать? – в спину ему спросила смотрительница.

– Как вы догадались? – обернулся Павел Константинович.

– А на что ж вам еще кукольник мог понадобиться?

Она была права.

– Дочке на день рождения.

– Делает он под заказ, делает, только дорого берет, говорят.

– Разберемся! – через плечо бросил Оскомин.

Через десять минут он уже выходил из театра марионеток. Когда изложил свою просьбу, очень занятой директор по фамилии Цоколь пробурчал: «Каждая его кукла состояние стоит». – «И этот туда же», – подумал Павел Константинович. А вслух уверенно сказал: «Деньги значения не имеют». Директор смерил его оценивающим взглядом: посетитель выглядел очень респектабельно. «Ладно, – пожал плечами местный Карабас Барабас. – Если у нашего гения есть время, если он согласится...» – «И срочно», – добавил Оскомин. Директор Цоколь взял телефон, набрал номер. «Савва Андронович, тут к вам один человек хочет заехать, кукла ему нужна от великого мастера. Да. И срочно. Представьте себе! Что в копеечку встанет? Сказал, сказал. Вы когда приедете? – спросил директор у Оскомины. – «Сейчас, если можно», – уточнил тот. «А что за кукла нужна и для кого?» – «Для девочки-подростка, моей дочери, что-то наподобие его Аленушки...» – «Аленушку хочет, – пояснил директор. – Да, напишу. Пока, Савва Андронович. – Он нажал на кнопку. – Мастер дал согласие и ждет вас». С адресом в кармане Оскомин забираясь в салон своего «БМВ», чтобы отправиться на окраину, вернее, еще дальше, туда, где город с юго-восточной стороны обтекала речка Лиховая.

На выезде как назло оказались пробки. Он еле прорвался. В обед Оскомин перехал через бетонный мосток, переброшенный над Лиховой. Внизу на жару, со стороны города, между прибрежных кустов неровным рядом стояли полуголые рыбаки и ловили на поплавок сорожку и чебака. В камышах затаились резиновые лодки. Там удил рыбу покрупнее и похитрее – золотого карася. У одного над водой забила серебристая рыбка, да так яростно, что сорвалась. Павел Константинович улыбнулся: вспомнил, как и он с мальчишками со двора приезжал сюда на велосипеде и удил до самой темноты речную мелочь. Разводили костер, коптили на крепких палочках рыбу, иногда варили уху. Они уезжали, когда река стремительно темнела и со стороны мрачного села Зырино ярко загорались огни. О селе исстари ползла дурная слава: мол, было оно прибежищем воров и супостатов всех мастей, которые бежали от судов и полиции,

селились тут, плодились и совершали бандитские набеги на город. Еще до революции. И после войны тоже – много тогда хулиганья и шпаны развелось. Но теперь все это былем поросло.

Село за окраиной города, дом кукольника на дальней окраине. Прямоком по центральной дороге, поднимая пыль и разгоняя коз, в сторону леса. Слева, сказали, будет водонапорная башня, справа – искомый «дом нашего Лешего». Мастаки эти местные жители лепить клички всем, кто непохож на них, хлебом не корми. А где еще селиться такому странному человеку, старому одиночке, который живет в мире сказочных персонажей и своих фантазий, если в городе никто дворца не предлагает? Вот именно – на отшибе, в гордой изоляции.

Дом его был стародавний, деревянный, давший легкий крен на один бок, и просто огромный. Видать, строили на большую семью. Одноэтажный, но с высокой крышей, которая, несомненно, скрывала обжитой чердак. Его условную древность выдавали старинные растрескавшиеся наличники, сплетенные из замысловатых фольклорных орнаментов, и прочая фигурная резьба, которая покрывала фасад дома. Каждый из орнаментов, любая загогулина явно таили в себе глубокий смысл.

«Курьих ножек только и не хватает, – подумал городской, избалованный презентабельной архитектурой гость. – Может, осела просто избушка, да ножки и придавила?»

Павел Константинович снял петлю с колышка деревянной калитки, толкнул ее, вошел и вернул на место. Только потом двинулся через заросший, душный от ароматов трав и жары садик по тропинке к дому. Вот и крыльцо. Каждая ступенька звучала по-своему – хрипло, сипло, бранно, с пронзительным визгом, как клавиши безнадежно расстроенного и всеми забытого пианино.

Гость нажал на кнопку звонка, тот задребезжал под стать половицам лестницы, и вскоре услышал голос, долетевший из открытого настежь справа окна:

– Иду! Уже иду!

Колыхнулась шторка, кто-то зыркнул на гостя из сумрака комнаты, а потом за дверями послышалось неторопливое шарканье шагов. Так ходят люди немолодые, давным-давно представшие куда-либо спешить, обретшие внутреннее равновесие и гармонию, даже если она настигла их в ветхом сарае.

Щелкнул замок, хозяин открыл дверь. Это был высокий тощий старик с уложенной копной седых волос, подвижной мимикой приветливого лица и насмешливым взглядом. В старом-престаром бордовом атласном халате, который когда-то был, несомненно, роскошным и дорогим, и в стоптанных тапочках без задников на босу ногу.

– Здравствуйте, – кивнул Оскомин и представился: – Я от директора театра кукол, тот самый заказчик.

– Я понял, – кивнул хозяин дома, – проходите. Вон там гостиная. – Он указал. – Садитесь на диван или в кресло – куда угодно. Чаю хотите?

– Не очень, – честно признался Оскомин. – Долго добирался – попал в пробки на выезде из города. Дел много. Нам бы поговорить... – В гостиной царил камерный полумрак. Павел Константинович присмотрелся: старый диван был заметно продавлен, кресло от него не отставало. – А за стол можно?

– Пожалуйста. Я бы предложил вам домашней наливки, но вы, как я понимаю, за рулем?

– Именно так.

Они сели друг против друга за круглый стол, стоявший в середине комнаты.

– Тогда к делу. Вы были на выставке сегодня? – задал наводящий вопрос хозяин дома.

– Да.

– Вам понравились мои куклы?

– Именно.

– И вы решили сделать дочери подарок?

– Абсолютно верно.

– Несмотря на то, что цена может быть высока? – Он интригующе улыбнулся. – Очень высока?

– Несмотря на это. Вы – мастер, и ваше искусство того стоит.

– Приятно слышать: не все и не всегда это понимают. Вам нужна кукла, похожая на Аленушку?

– Я бы купил саму Аленушку, но что-то мне подсказывает – она не продается.

– Нет, Аленушка – своего рода образец, эталон. Но мне не составит труда сделать куклу не хуже. Только сразу хочу предупредить – я не делаю копий своих кукол. Не занимаюсь ширпотребом. В каждой заключено своеобразие, индивидуальность.

– Здорово. Как архитектор, в начале карьеры создававший индивидуальные проекты особняков для акул бизнеса, очень хорошо вас понимаю. А как они сделаны, из чего?

– Очень сложная механика, сталь, пластмасса, силикон. Легче собрать гоночный автомобиль, чем такую куклу. Но мне по силам, потому что я сам десятилетиями разрабатывал эти конструкции. У некоторых заложен речевой аппарат – сотни слов и предложений, голосовая интонация. Взрослый человек, понятно, не купится на такую уловку, но ребенок – легко. Сколько вашей дочери лет?

– Двенадцать будет.

– Уже взрослая.

– Видите ли, пять лет назад с ней случилось несчастье. Со всеми нами. Мы попали в автомобильную аварию. Пострадали все – я, моя жена. Но дочь в первую очередь. Женечка оказалась прикована к креслу-каталке...

– Жаль это слышать.

– Да. Прогнозы неутешительные. Хотя надежда есть. Я делаю все, чтобы украсить ее жизнь. Эта кукла должна стать не просто подругой – ее родной сестренкой.

– Понимаю, – кивнул старый кукольник. – У вас есть фотография дочери?

– Конечно, – Оскомин нырнул во внутренний карман пиджака, вытащил портмоне, извлек из него цветное фото дочери и протянул хозяину дома.

– Ваша дочь – настоящая красавица, – внимательно разглядывая фото, сказал кукольник.

– Да, – непроизвольно вздохнул Оскомин.

– Рыжеволосая и зеленоглазая, – очарованно продолжал хозяин дома.

– Именно так, – подтвердил его гость. – И очень смешливая, когда забывает... о своем несчастье.

– Я сделаю для нее куклу, – сказал Беспалов.

– Отлично.

– А срок?

– Нужно уложиться в месяц.

Седые брови кукольника чуть сдвинулись к переносице.

– Я успею.

Павел Константинович просиял:

– Просто здорово.

– Размер?

– Как ваша Аленушка.

– Я был уверен, что вы ответите именно так. Вы хотели сестренку для вашей дочери? Родную?

– Да.

– Кукла будет рыжеволосой и зеленоглазой. Именно – сестренкой. Теперь о цене. – Кукольник встал, подошел к буфету, вытащил из ящика листок бумаги и шариковую ручку, сделал запись. Вернулся к столу и протянул листок гостю. – Это плата за мой усердный труд. Вас устраивает?

- Безусловно, – кивнул Оскомин.
- Половина суммы авансом.
- Нет вопросов. Она же будет говорить?
- Разумеется. Эта услуга входит в счет.
- Хотел вас спросить...
- Да?
- Этот дом принадлежит вам?
- А что?
- Просто любопытство.
- Оценили его старину?

– Именно так. Как уже сказал, я – архитектор и строитель, сейчас моя фирма планирует дворцы для нуворишей и небоскребы-офисы, куда они могли бы ездить на работу, но сам очень люблю старину. Ваши наличники – произведение искусства. Да весь фасад дома, укрытый резьбой, уникален.

– Знаю. Код минувших столетий. Я родился в этом доме, как мой отец, дед и прадед, другие предки по отцовской линии. Его много раз перестраивали, укрепляли, но время точит. А этот дом повидал многое, скажу я вам.

Что-то грузно влетело на подоконник. Павел Константинович не сразу сообразил, что это кот. Тенью тот заходил за легкой шторой и призывно заурчал.

- Ваш? – отвлекся Оскомин.
- Соседский. Васька-попрошайка.

Кот за солнечной шторой утробно изрек: «Мяу!»

- Мой дом – хранитель самых сокровенных семейных тайн, – продолжил Беспалов.
- А что за тайны? Если не секрет, конечно?

– Так я вам все и рассказал, – просто ответил хозяин. – А куклу сделаю в срок: будет первый сорт. Как моя бабка Евдокия говорила: «Она и песенку споет, она и сердце украдет, она и сказочку расскажет, и в лес к Кощею заведет».

Голос говорившего неожиданно показался Оскомину чужим. Когда он поспешно поднял глаза на кукольника, то не узнал его. Лицо старика переменялось – оно стало хищным и страшным, злой личиной, но только в первые мгновения. Это было как наваждение: несколько жутких кадров пролетели и сгинули навсегда, и все вернулось – лицо старого кукольника обрело мягкие и дружелюбные черты. Но за эти несколько мгновений бешено зашипел за шторой соседский кот и молнией скрылся.

– Что с вами? – заботливо спросил хозяин дома у оробевшего гостя. – Вы словно призрака увидели?

- Нет, ничего, – смущенно пробормотал Оскомин. – Просто показалось...
- Бывает. Мне тоже иногда всякое кажется. Долго живу – многое видел.

Ровно через месяц Павел Константинович приехал за своим произведением искусства. Предварительно позвонил и услышал: «Она ждет вас». И вот он стоял в середине мастерской, где повсюду теснились куклы-недоделки, кто без рук или ног, кто без глаз и волос, а из коробки, стоявшей в кресле, на него смотрела зеленоглазая рыжеволосая принцесса в багряном платье, расшитом золотом, с легкой короной на голове. Зеленые глаза куклы, в которых сверкали золотые искры, очаровывали, взгляд завораживал.

- Она – чудо, – прошептал Павел Константинович.

– Я рад, что моя девочка пришлась вам по вкусу, – с улыбкой кивнул старый кукольник. – Не хуже Аленки?

- Нет! Но она немного другая...
- Какая же?
- Не совсем кукольная.

– Как это? Поясните.

– Похожа на живого человека.

– А-а... – Глаза Беспалова остро блеснули. – Просто я решил, что у вашей взрослой дочери должна быть не кукольная сестренка, а максимально настоящая. Даже отчасти похожая на нее: рыжие волосы, зеленые глаза.

– Ясно. Мне нравится.

– Теперь я вас научу, как с ней себя вести.

– И как же?

– Терпение, мой друг, сейчас вы все узнаете.

Когда Павел Константинович прошел инструктаж, то вспомнил о важном:

– А как зовут вашу куклу?.. Эту куклу? – поправил он себя.

– Дети сами должны давать своим куклам имена, – многозначительно ответил Беспалов. –

Тем более – родным сестренкам.

– Верно, – с улыбкой согласился Оскомин. – Сами. Особенно сестренкам.

В этот день они рассчитались, и Оскомин повез чудесную куклу домой, где был встречен восторгом дочери и легким смятением со стороны своей жены.

3

Илона везла коляску с Женечкой по аллеям парка, мимо слонов, носорогов и львов. Зеленые, плотные, аккуратно подстриженные, они бы и готовы были приветствовать свою госпожу, как это всегда происходило в детском воображении, да ей было не до того. Сама Женечка даже не управляла коляской, а раньше водила ее как настоящая гонимая, и попробуй не разреши. Она держала в руках куклу Лилит и что-то настойчиво бормотала. Несомненно, они разговаривали. Илона, сосредоточенно морщась, то и дело прислушивалась к своей подопечной, но могла разобрать только обрывки фраз. «Да, конечно, сестренка, я так и сделаю, если ты хочешь...» Или: «Она не такая плохая, как ты думаешь, правда, хотя иногда мне хочется ее убить...»

«О ком она говорит?» – спрашивала себя Илона.

Слова Женечки становились неразборчивы и скоры. Она словно о чем-то упрасивала куклу, а та настаивала. Девочка жалобно клянчила: «Нет, Лилит, не надо, все и так будет хорошо, правда...»

«Привез хозяин подарочек, – плавно толкая коляску, размышляла Илона, – чтобы дочку занять и отвлечь. Да перестарался наш добрый Павел Константинович. И ведь целое состояние за это чудо отдал! Посмотреть бы на этого кукольника, доморощенного гения...»

Женечка держала куклу на коленях так, что миловидное личико рыжеволосой Лилит было обращено к Илоне, глаза, живые изумруды, так и сверкали, попадая в солнечные потоки. В какой-то момент, глядя на куклу, горничная не выдержала и из-за спины девочки показала ей язык. Они проехали еще немного, и вдруг Женечка выкрикнула:

– Стоп!

Илона, вцепившись в коляску, буквально выросла в плиты аллеи.

– Господи, Женя, ты меня так зайкой сделаешь. – Она поставила коляску на тормоз и обошла ее. – Что случилось?

– Извинись.

– Перед кем? – удивилась домработница.

– Ты знаешь.

– Понятия не имею, – честно призналась Илона.

– Знаешь.

– Да перед кем и за что?

– Перед Лилит.

– Перед кем, перед кем?

– Ты слышала: перед моей сестренкой.

Илона снисходительно вздохнула:

– Девочка, ты на солнце не перегрелась?

– Будешь извиняться или нет?

– И не подумаю. С какой стати я буду извиняться перед куклой?

– Это моя сестренка.

– Хорошо. С какой стати я буду извиняться перед твоей сестренкой из пластмассы?

– Ты оскорбила ее – дразнилась.

Только тут Илона поняла, о чем идет речь: она показала проклятой кукле язык! Но как Женя узнала? У домоправительницы даже легкий мороз пробежал по коже. Чушь какая! Быть такого не может.

– Видишь, она рассердилась, – добавила Женечка и повернула куклу лицом к прислуге. – Тебе должно быть стыдно, Илона.

Именно в эту минуту заботливой домработнице и показалось, что изумрудные глаза куклы Лилит смеются над ней – и зло, с издевкой. Словно говорят: «То ли еще будет!» Но как Женя могла увидеть ее и то, что она делает? Спиной, затылком? В отражении глаз куклы? Или это шестое чувство? Где ответ?

Илона решила пока не забивать голову догадками и достойно выйти из положения. Положив руку на грудь, она жалостливо проговорила:

– Ах, простите, добрая госпожа Лилит, если я вас чем-то оскорбила. Я больше так не буду.

– Слова правильные, но не от чистого сердца, – заметила Женечка. – Знаешь, что мне говорит о тебе Лилит?

– Что же?

– Если ты позволишь себе еще раз так поступить, тебе придется получить расчет.

Илона, всегда спокойная, не сдержалась и вспыхнула:

– Вот это решать не Лилит, а твоим родителям. Так и передай своей новой сестренке, Женечка.

– А зачем мне ей передавать, Илона? Она тут и все слышит.

– Ты заигралась со своей куклой. Едем домой.

– Я хочу еще кататься. Мы с Лилит хотим!

– Тогда я вас обеих, двух принцесс, передам Аннушке, а сама займусь более полезными делами.

Уже через десять минут Илона всё подробно рассказывала хозяину и хозяйке. Павел Константинович недоуменно качал головой, Зоя Владимировна, докуривая черную ароматную сигарету, барабанила длинными перламутровыми ноготками по столику. На нем стояла пепельница с тремя окурками, початая бутылка красного сухого вина, и только один бокал – со следами помады. После аварии, потери ребенка и жестокого приговора врачей хозяйка стала слишком много курить и часто «дегустировать» вина – так однажды за ужином интеллигентно пошутил по этому поводу ее муж. Но Зоя, даже не удостоив Павла Константиновича взглядом, отбрила: «Ты был за рулем – не я». Больше он не делал жене замечаний. Только старался как можно надежнее окружить ее заботой.

– А ведь прошло всего две недели, как ты привез домой эту куклу, – сказала Зоя. – И такое превращение.

Она полезла за новой сигаретой. А вот эту страсть было принять куда сложнее, и он красноречиво вздохнул. Но Зоя была умной, проницательной и все понимала с полуслова.

– Я буду курить столько, сколько мне захочется, – предупредила она. – Щелкнула зажигалкой и глубоко затянулась. – Это же надо: «Извини, Лилит, я показала тебе язык»! Дурдом.

Илона усмехнулась:

– Но так оно и было, Зоя Владимировна.

– Она действительно изменилась на глазах: стала дерзить, препираться, – заметила мачеха. – И смотреть как-то странно. Иногда словно видит меня впервые. Я раз десять пыталась с ней заговорить, поболтать, как раньше, хотя она никогда не любила со мной разговаривать, тем более по душам, и я с этим смирилась. А тут и совсем – стена! Ни на минуту не расстается со своей куклой. Завтрак, обед и ужин с ней. Прогулки только с Лилит. Спит в обнимку со своей сестренкой. Когда Женя уснула, я попыталась взять у нее куклу и переложить в кресло, так она мгновенно открыла глаза и чуть меня не укусила – лязгнула зубами у самых пальцев.

– Ну вы же говорили с психиатром? – поинтересовалась домоправительница.

– Говорила – да что толку? Его вывод: компенсация. Женечка устала от одиночества, Женечка мечтала о сестренке, Женечке нужно было кому-то открыть душу и сердце. Плюс ко всему – потеря матери, и как следствие – тяжелейший стресс, а второй, когда ее отец нашел замену – меня. Но Женечке-то я второй матерью не стала. Более того, в глубине души она, чувствую, возненавидела меня и на отца затаила злобу.

– Думаешь? – озадаченно спросил Павел Константинович.

– Чего теперь таиться, лукавить и лгать самим себе? Уверена в этом. Третий стресс – авария и паралич. Все эти пустые места, лакуны, каким-то хитрым образом заняла вездесущая Лилит. Вернее, то существо, которое создала себе Женя. Подсознательно придумала во свое спасение уже давно, как объяснил психолог, и только сейчас воплотила в жизнь. – Зоя наполнила треть бокала красным вином, выпила разом, накрыла ладонью руку мужа. – Что скажете о таком психоанализе, Павел Константинович?

Но муж ответить не успел. В коридоре послышалось тихое жужжание автоматической коляски, дверь открылась, как от порыва ветра, и на пороге возникла Женечка на своем дорогом драндулете в обнимку с куклой.

– Ябедничаешь, Илона? – с ходу спросила она у горничной. – Смотри, Лилит, она – ябеда. Прибежала к маме и папе: меня обидели, заставили просить прощения. Как же это гадко, Илона! И стыдно.

Домработница как в рот воды набрала. Но Зоя не стала молчать.

– Боже, – пробормотала та. – Зачем ты так с нами?

– Как? – спросила девочка.

– Зло, – ответила мачеха.

– Я-то еще добренькая, – парировала та. – С вами пока Лилит не говорила.

– О, ну да! – воскликнула Зоя, потушила окурочек и плеснула себе еще вина. – Может, нам всем перед ней извиниться? Мне, твоему отцу, Илоне еще раз, остальной прислуге, водителю и садовнику?

– Когда будет нужно – все извинитесь.

– У детей, которые плохо себя ведут, отнимают любимые игрушки, – с легкой угрозой предупредила Зоя.

– Хочешь отнять у меня Лилит? – спросила Женечка. – Папа, ты хочешь того же, отнять у меня сестру? Которую сам подарил?

Павел Константинович еще раз тяжело вздохнул и не произнес ни слова.

– Папочка, как всегда, решил промолчать, – поделилась с куклой девочка и переключилась на мачеху: – А ты попробуй, Зоя, попробуй! Только лак для ногтей тебе уже не понадобится.

– Что?

– То, что слышала, – парировала Женечка, – без пальцев останешься.

Она повернула автоматическую коляску и в обнимку с куклой поехала прочь по коридору.

– Паша? – требовательно позвала мужа Зоя. – Это переходит все границы.

Тот закрыл лицо ладонями. Илона поспешно извинилась и быстро покинула гостиную – ей хватило домашних хозяйских разборок.

– Я должен позвонить, – наконец сказал Оскомин. – Поговорю из кабинета, дорогая, хорошо? Потом расскажу.

В кабинете он первым делом открыл шкафчик, плеснул в широкий бокал виски, расположился в роскошном кожаном кресле-троне и минут пять, уставившись в пространство, цедил крепкий ароматный напиток. Потом взял телефон и нашел нужный номер.

– Алло, Савва Андронович Беспалов?

– Он самый.

– Здравствуйте, вас беспокоит Павел Константинович Оскомин, которому вы куклу две недели назад продали – рыжеволосую, зеленоглазую.

– Здравствуйте, Павел Константинович, слушаю вас.

– Вот какое дело...

Он пока и не решил, с чего начать. И виски не помогло. Наводящий вопрос задал мастер:

– Кукла понравилась вашей дочери?

– В этом все и дело – очень понравилась.

– Отлично, я рад.

Оскомин выдержал произвольную паузу.

– Она ей даже слишком понравилась.

– Что это значит – слишком?

– Как бы вам сказать... Между ними появилась некая связь...

– Связь?

– Да. Особая эмоциональная связь.

– Особая?

Павел Константинович усмехнулся:

– Да просто мистическая.

– Так-так, очень интересно...

– С самого первого дня, как только кукла попала в руки Женечки. Когда она схватила и прижала ее к себе. Девочка, конечно, и раньше была избалована, я потакал ей во всем, ведь ее мать умерла. А потом моя новая женитьба, авария, недуг Женечки. Я вам уже говорил об этом...

– Да, я хорошо помню наш разговор. Продолжайте.

– Но тут река просто вышла из берегов.

– Поясните.

– Женечка стала дерзкой, непослушной, гневливой, будто ее не лучшие качества, которые есть у всех людей, усилились раз в сто.

– Ого!

– Вот именно: ого. Она то и дело советуется с куклой, как с живым человеком. Представляете? И поступает будто по указке своей «сестренки». Я понимаю, кукла вышла удивительной, настоящим произведением искусства, да что там, почти живой – видимо, именно поэтому она смогла так воздействовать на девочку-подростка, очаровать ее. Тем более ту, что оказалась прикованной к креслу-каталке.

– Да, история! Видимо, в этот раз я превзошел сам себя.

– Но это не все. Вы верите в телепатию?

– Во что, простите?

– В телепатию.

– Хм. Я – реалист. Но верю в художественное воображение и в то, что оно творит чудеса.

– Нет, я о другом. Сегодня случилось нечто! Наша домработница везла Женечку в коляске по аллее сада и за ее спиной показала кукле язык. Женечка держала ее на коленях. Дочка остановила коляску и устроила домработнице разнос за этот поступок, хотя сама видеть ничего не могла. Что это такое? Как вы объясните?

Беспалов долго сопел в трубку.

– Задачки вы задаете, уважаемый Павел Константинович! Я же не экстрасенс и не психолог. Я – художник.

– Вот именно! Вы – автор большого количества кукол, у вас было много частных заказов. Случалось хоть что-то подобное с другими владельцами ваших кукол?

– Если и случалось, то мне об этом ничего не известно.

– Значит, нет. – Оскомин тяжело вздохнул. – Да, забыл сказать! Женечка удивила нас, как только кукла попала ей в руки. В тот самый день, когда я приехал от вас. Уже тогда что-то укололо меня. Подозрение, догадка. Помните, вы сказали, что дети сами должны давать куклам имена?

– Конечно. И что же?

– Я предложил дочери дать кукле имя, она задумалась, а потом очень уверенно произнесла: «Лилит».

– Что вы сказали? – поспешно переспросил кукольник.

Даже голос его изменился – так было, когда они обговаривали условия, а на подоконник запрыгнул соседский кот, походил туда-сюда, зашипел и сбежал.

– Лилит, – повторил Оскомин. – Она назвала ее Лилит. Разумеется, я предлагал другие имена, но Женечка вцепилась в это буквально мертвой хваткой. Как будто она слышала его, ей кто-то нашептал. Мы согласились, конечно. Она же хозяйка этой куклы.

– Ну, разумеется.

Павел Константинович помедлил.

– Мне показалось, вам знакомо это имя.

– Оно знакомо всем, кто интересуется историей религии, – ответил кукольник. – Кто читал древние и средневековые тексты. Было у меня и такое увлечение.

Оскомин чуть осмелел:

– Я имел в виду другое, Савва Андронович. Мне показалось, будто это редкое в современном мире имя – «Лилит» – как-то связано именно с куклой, которую вы продали мне. Только с ней, ни с какой другой.

На другом конце связи возникло молчание.

– Нет, это вам только показалось. Поверьте мне!

– Но вы же даете своим куклам имена, той же Аленушке, например?

– Даю, но только в том случае, когда я делаю персонажа той или иной сказки. Аленушка – одна из самых любимых героинь русского фольклора. «Говорящий персонаж». Если вы помните, никакой бирки с именем «Лилит» на вашей кукле не было.

– Разумеется, нет.

– Просто у вашей дочери прекрасно развито воображение, я это понял сразу, как увидел ее фото: необыкновенная девочка – одна на миллион.

– Благодарю вас, это правда: Женечка – особенная.

– Поэтому берегите ее, особенно от недоброжелателей. – Голос кукольника оживился: – Ну так что, будем прощаться? Ко мне с минуты на минуту придет заказчик, я должен подготовиться. Но если что – звоните.

– Хорошо, тогда всего наилучшего.

– И вам, уважаемый Павел Константинович. Здоровья всей семье и в первую очередь вашей дочурке. Я уверен, она рано или поздно поправится.

На том их разговор закончился.

«О чем он говорил? – подходя к шкафчику, размышлял Оскомин. – «Берегите ее от недоброжелателей». Что это значит? И как понять: «Она рано или поздно поправится»? Он что, доктор, светило науки?»

Павел Константинович выпил еще треть бокала виски и отправился к жене, чтобы в подробностях пересказать разговор с таинственным кукольником. Зоя потягивала вино, курила, выпуская вытянутыми яркими губами колечки дыма, и слушала, не перебивая.

– Ты думаешь, он бы сознался, если бы и с другими его клиентами происходило то же самое? – когда муж выговорился, скептически спросила она. – Если бы дети, поиграв с его куклами, менялись на глазах и сводили родителей с ума?

– А вдруг?

– Наивный! Он же – старый хитрец, это понятно.

– Не без этого. Но в первую очередь фанат своего дела. У него весь дом заготовками кукол уставлен.

Она выпустила очередное колечко дыма.

– Значит, переменялся, когда слышал имя «Лилит»?

– Еще как переменялся!

– Я бы не удивилась, если бы он читал заклинания над своими проклятыми куклами.

– Думаешь?

– Уверена. Мало ли психов? А все творческие люди – психи в квадрате. Ладно, черт с этим кукольником! Мавр сделал свое дело. Если Женечка будет вести себя так же, как эти две недели, я отберу у нее эту куклу, и ты не помешаешь мне. Слышишь?

– Хочешь, чтобы она тебя искушала? – попытался пошутить Оскомин.

– Я надену зимние перчатки, а сверху варежки для жаровни – пусть кусается, сколько влезет. Куклы ей не видать, как собственных ушей.

– Не будь с ней жестока, прошу тебя!

– Я не жестока, а справедлива.

– Ну-ну, – миролюбиво кивнул хозяин дома. – И все-таки лучше обойтись без эксцессов.

– Я тебе скажу, что было бы лучше: отправить эту куклу в Петербург, в Кунсткамеру.

Не видел и не знал Павел Константинович того, что происходило за речкой Лиховой, на краю села Зырино, в доме Саввы Андроновича Беспалова, когда тот слышал фразу: «Она назвала ее Лилит». То, что случилось с лицом кукольника при визите к нему Оскомины, не было даже ничтожным эхом произошедшего с Беспаловым теперь. Припадая на одну ногу, словно его перекосило, Кукольник добрал до зеркала и уставился в него так, как смотрел бы на трещину в земле, откуда вырывались языки пламени. Вначале почуяв, а потом увидев его, дымчатый кот подскочил на диване, остервенело зашипел и шарахнулся к окну, едва не снеся штору, и откуда сиганул в сад. И хотя ему, Савве Беспалову, было чудовищно больно, ломило все тело и нутро выворачивалось наизнанку, кривая улыбка, готовая испугать любого храбреца, бешено плясала на его губах, а волчьи глаза горели восторгом.

– Свершилось! Свершилось! – огненно прошептал он.

Глава вторая

Война на уничтожение

1

Все изменилось, когда в доме Оскоминых случилось чудо. Забыли выходки и дерзости Женечки, ее агрессивную навязчивость, все, что касалось роли куклы в семье, когда дочка Павла Константиновича требовала, чтобы к ее Лилит относились как к живому человеку.

Было первое воскресенье июля. В спальню хозяев дома поспешно и настойчиво постучали.

– Кто там? – вяло спросил хозяин.

– Это Илона! – стараясь говорить громко и шепотом одновременно, ответили из-за двери. – Вам нужно встать!

– Зачем?

– Так нужно.

– Давай позже, а?

– Вы должны это увидеть! Павел Константинович!

– Да что такое? – Он растер глаза. – У нас что, пожар?

– Считайте, что так! Это касается Женечки!

Оскомин замер, быстро приподнялся на локтях:

– Что с Женей?

– Вставайте! А то потом меня заругаете.

Он поспешно сел.

– Что она еще отчудила со своей сестренкой? – выбросив из-под одеяла длинные загорелые ноги, сонно спросила Зоя.

– Понятия не имею.

– Вы идете? – спросила Илона.

– Иду, иду.

Он встал, накинул и запахнул халат, сунул ноги в тапочки и пошлепал к дверям. Но когда открыл их, то увидел на лице домработницы едва скрываемый восторг.

– Что?

– Идемте, – кивнула та.

Через минуту они стояли на пороге детской. Дверь была открыта. Женечка сидела на кровати, опустив ноги. Она шевелила пальчиками и внимательно наблюдала за ними. Потом подняла глаза на отца и весело сказала:

– Смотри, папочка, у меня получается. Будто, правда? До того, как с нами случилась беда.

– И тебе не больно, милая?

– Нет.

– Совсем-совсем?

– Совсем-совсем, – ответила дочь.

– Это же чудо, – прошептал Оскомин.

– И я о том же, – подтвердила Илона. – Еще какое!

– А теперь смотри, папочка...

Женечка стала аккуратно сползать с кровати.

– Нет, не надо! – отец шагнул вперед.

– Все хорошо, – остановила его дочка. – Главное – смотри.

Она коснулась ступнями пола. И отец, и домработница шагнули к ней, чтобы подхватить девочку в случае падения, но Женечка вновь остановила их движением руки, ухватилась за край кровати и, чуть раскачавшись, встала во весь рост.

– Опля! – смеясь, сказала она. – Круто?

– Очень круто, – пробормотал ошарашенный отец.

– Очень, – согласилась Илона.

В дверях, в затынутом на талии халате появилась еще заспанная Зоя. По дороге она растирала лицо руками, а теперь превратилась в соляной столб.

– Мать Божья, – только и смогла произнести молодая хозяйка поместья. – Как это случилось?

Этот вопрос волновал буквально всех. За спиной Зои уже стояла и тянула шею горничная Аннушка.

– Мне сегодня ночью Лилит сказала: «Завтра ты встанешь на ножки», – объяснила Женечка. – Вот я и встала.

Только теперь все обратили внимание на зеленоглазую куклу, сидевшую на кровати в просторной ночнушке и внимательно смотревшую на них, словно говоря: «А вот сейчас мы и поглядим, кто из вас что обо мне думает. Сейчас-сейчас...»

– Папочка, стой там, где стоишь, – с вызовом бросила Женечка.

Он не посмел послушаться ее. Она же оторвалась от кровати и смело сделала шаг в сторону отца, который уже протянул к ней руки, затем еще и еще. Она балансировала руками, как канатоходец.

– Осторожно, милая.

– Я помню, как это делается, помню!

Еще через шаг она оказалась в объятиях отца.

– Черт бы меня побрал, – вырвалось у Зои. – Я должна выкурить сигарету. – Она повернулась и едва на налетела на горничную Аннушку. – Брысь!

Отец прижал дочь к себе, и Женечка крепко обхватила его руками. По лицу Павла Оскомина текли слезы. Сейчас ему было все равно, что там лепечет его малышка про куклу: якобы эта Лилит с ней говорила в одном из увиденных снов. Или просто в одной из ярких фантазий.

Главное, Женечка, его сердечко, обрела способность ходить!

У врачей было иное мнение, чем у самой Женечки: куклу со странным именем в расчет брать не стали. Врачи решили, что физиопроцедуры и медикаментозное лечение дали свой положительный эффект. Наконец, пациентка не была полностью парализована, другое дело, что каждое движение приносило ей боль, но и болям тоже подчас приходит срок. Заживают раны, срастаются кости, восстанавливаются нервные окончания. Этот процесс – самый длительный. Просто всему свое время. И для Женечки Оскоминой оно пришло – время ее выздоровления.

Один только психиатр в очередной раз нашел положительное влияние «лучшей подруги» на Женечку. «Она, эта вымышленная Лилит, помогает ей всесторонне реализоваться, – со знанием дела заявил он. – Не мешайте Лилит, и ваша дочка с каждым днем будет превращаться во все более полноценную личность. Столько лет она сковывала себя: «это я не могу», «это мне нельзя», «это не для меня». Теперь же наступила пора компенсации за все эти «не могу» и «нельзя». Ну а если вам, как родителям, придется немного потерпеть «лучшую подругу» вашей дочери, что ж, наберитесь терпения, и вскоре вы увидите, как ваш... милый утенок, – эпитет «гадкий» он решил опустить, – расправит крылья и превратится в белого красавца-лебедя».

Первые три дня обитатели поместья видели, как Женечка аккуратно передвигается с ходунками, выставляя их перед собой на каждом шагу, еще два она активно ходила с локтевыми костыльками, а на седьмой день юная принцесса появилась на аллеях парка без всего. На собственных ножках, с одной только куклой Лилит в руках. Она отыскивала место для уединения

– за бегемотами и слонами, откуда ее не было видно из окон особняка. Зато у нее самой имелся прекрасный обзор, в том числе как на ладони бил и бурлил многоступенчатый фонтан с бронзовыми дельфинами в центре парка. По распоряжению отца за Женечкой пытались следить: а вдруг оступится? Упадет? Не дай бог расшибется?

Но однажды девочка, еще прихрамывая, выбежала на аллею и что есть силы закричала: – Хватит! Надоели!

Только после этого ее оставили в покое.

Прежде они обедали вдвоем; Женечка подъезжала на коляске к столу и начиналась трапеза. Когда в доме появилась кукла Лилит, Женечка усаживала ее рядом с собой на стул. Зоя скептически наблюдала за этим спектаклем, но молчала, даже когда Женечка, никого не замечая, громко разговаривала со своей куклой. «Как тебе эти персики? – спрашивала она у лучшей подруги. – Правда, вкусные?» И сама же отвечала: «Я тоже так думаю – объедение». Или: «Рецепт салата, который дала Зоя, годится только для прислуги. Это не для нас». Павел Константинович хмурился на такие реплики, иногда мягко одергивал дочь: «Последи за языком, милая, не выгоняй нас из-за стола». Зоя терпела, но все чаще выстукивала длинными ноготками быстрые сбивчивые марши и старалась как можно скорее покинуть столовую. Внутри у нее все кипело, муж понимал это. Павел Константинович чувствовал себя меж двух огней, но, как завещал говорливый психолог, терпел: миролюбиво улыбался и жене, и дочери, чем, кстати, вызывал недовольство обеих.

Теперь же, когда Женечка так быстро встала на ноги, активное общение за столом между девочкой и куклой только усилилось. И все больше шишек летело в сторону мачехи, которая просто каменела от нескончаемого монолога, за которым скрывался диалог девочки и ее назойливой «сестренки».

В эти дни Зое пришла небольшая бандероль из магазина электроники. Она сорвала обертку с коробочки – в той находился миниатюрный цифровой диктофон. Хозяйка усадьбы быстро проглядела инструкцию, нажала на кнопку, сказала: «Раз, раз, раз». Отключила, нажала на кнопку вновь – диктофон чисто воспроизвел запись.

– Отлично, – констатировала Зоя.

Дверь в ее покои была закрыта. Муж находился на работе. Женечка сюда носа не казала. Прислуга без стука не вошла бы, но Зоя все-таки закрыла дверь на замок – лишние уши ей были совсем не нужны.

Она села в кресло, закинула ногу на ногу, долго смотрела в пространство, а потом нажала на кнопку «пуск», но заговорила не сразу:

– Здравствуй, Вера. Знаю, с тобой я могу быть откровенна. Когда ты прочтешь эту запись, а потом и другие, – я уверена, будут еще, – перед тобой откроется завидная для любого беллетриста картина. Все началось с появления этой проклятой куклы в нашем доме. Куклы по имени Лилит – рыжеволосой, зеленоглазой дьяволицы, в высшей степени очеловеченной и на первый взгляд абсолютно живой. Ее заказал мой муж ко дню рождения своей дочери Женечки, как ласково ее зовут все в доме. У известного театрального художника и декоратора, а попросту кукольника – Саввы Андроновича Беспалова, большого мастера, как о нем говорят, да и мы с мужем и прислугой вот уже почти месяц убеждаемся сами. Потому что его кукла день за днем сводит с ума дочь Павла и мою падчерицу – Женю Оскомину. А она сама сводит с ума нас с мужем и всех домочадцев. Из замкнутой и обиженной жизнью девочки она стремительно стала превращаться в агрессивное, злое, мстительное существо. Причем энергия в этом существе забила на зависть любому гейзеру. Но это энергия зла. Женя и так была не сахар, но все ее негативные качества стали обостряться. Я знала, что девочка невзлюбила меня с первого дня, но теперь я стала для нее особой целью. Она открыла на меня настоящую охоту. Нападки меня трогают мало, но хуже другое: кукла будто руководит ею. Подсказывает слова и действия,

интонацию; даже смотреть Женя стала иначе – как существо из другого мира, откуда, теперь я почти уверена в том, пришла проклятая Лилит. Дело в том, что Женечка, еще две недели назад обезноженная, парализованная, сейчас бежит по аллеям усадьбы со своей куклой в обнимку. Как тебе такое превращение, Вера? Конечно, я рада за нее. Но я совсем не рада тому, что девочка черпает свою энергию из отравленного колодца с мертвой водой. И еще неизвестно, кто кому больше нужен: кукла – девочке или девочка – кукле.

Зоя нажала кнопку паузы, положила диктофон на столик. Встала с кресла, взяла с трюмо пачку сигарет и зажигалку, закурила, подошла к окну и, похолодев, застыла на месте. Прямо под ее окном стояла Женечка в обнимку с куклой и с дерзкой улыбкой смотрела на нее. Зоя сделала быстрый шаг назад, когда Женечка вскинула руку, строго и зло погрозила ей пальцем. Она пришла в себя, только когда оказалась на середине комнаты. Сердце часто колотилось, дышать мешал ком в груди. Она испугалась, что задохнется. Показалось ей или нет? Там, внизу, ей угрожал совсем не двенадцатилетний ребенок, а другое существо – мерзкое и опасное, как обнаглевшая крыса, чья морда показалась из тени в дальнем углу комнаты. И Зоя Оскомина знала имя этого существа.

2

Любой нарыв должен рано или поздно созреть и лопнуть. Так случилось и в доме Оскоминых.

Всегда обидно, когда о тебе в глаза говорят в третьем лице, да еще в уничижительном тоне. Даже если так поступают психически неуравновешенные люди и твои явные недоброжелатели, а одно из этих существ – выдуманный персонаж. Женечка и Лилит то и дело «обсуждали» ее, Зою, гардероб, косметику и макияж, барский образ жизни, «хозяйские замашки» в отношении прислуги, давление на отца.

– Прекрати, милая, – после очередного «диалога» мягко попросил Павел Константинович дочь. – Все это уже совсем не смешно, причем давно.

– А я и не думала смеяться, – пожала плечами Женечка, – говорю то, что думаю. И Лилит говорит то, что думает она. Нет ничего странного в том, папочка, что мы думаем одинаково. Это лишь подтверждает нашу правоту.

– Никакой Лилит не существует, девочка, – устало заметила Зоя. – Она есть только в твоём воображении. – Мачеха кивнула на куклу: – Это кусок металла, пластмассы и силикона. Ты говоришь сама с собой, Женя, а так поступают только психически больные люди, которых держат в лечебницах.

– Зоенька, – пробормотал Павел Константинович, чувствуя нешуточную грозу. – Прошу тебя...

– А что? Я, как и наша принцесса, говорю то, что думаю. – Она сделала большой глоток вина из бокала. – И не просто в лечебницах, Женя, а в смиренных рубашках, чтобы они не причинили вреда себе и другим.

Лицо Женечки вспыхнуло гневом.

– Лилит, что ты думаешь о словах нашей Зои? Правда?! – Девочка рассмеялась, как будто слышала долгожданную новость. – Я тоже так думаю. Слово в слово. – Она, в свою очередь, уничтожающе посмотрела на мачеху. – Лилит передает, что ты дура набитая, Зоя. Как Лилит может не существовать, когда она сидит перед тобой и видит тебя насквозь, как пустую банку из-под огурцов? Это ее слова, между прочим.

В столовой воцарилось тяжелое долгое молчание.

– Извинись перед Зоей и немедленно, – неожиданно строго сказал отец. – Извинись перед моей женой!

– Она тебе не жена, а самозванка. У тебя была жена – моя мать.

На Зою было страшно смотреть.

– И за это извинись тоже, – потребовал отец.

– И не подумаю, – отвернулась девочка, слепо уставившись в пространство.

– Я повторяю: извинись. Ты оскорбила Зою. Ты оскорбила меня.

Повернувшись к отцу, Женечка невинно подняла брови:

– Перед тобой извинюсь: прости, папочка!

Она вновь отвернулась.

– Теперь перед Зоей.

– Можешь повторить хоть сто раз, – не оборачиваясь, сказала девочка. – И не подумаю.

Отец встал.

– Выйди из-за стола, Женя, и ступай в свою комнату. Ты наказана.

– Наказана? Ха!

– Две недели ты не будешь есть с нами за одним столом.

– Я не буду есть с вами?! – Теперь Женечка сама подскочила, как ошпаренная. – Не буду смотреть на вас? Ой, какое горе! Как же я это переживу?! – Она схватилась за худенькую грудь и театрально закатила глаза: – Вы же ранили меня в самое сердце!

– Иди в свою комнату, – на этот раз грозно приказал отец. – Дерзкая и неблагодарная девчонка! Если сегодня выйдешь в коридор, тебя запрут на ключ.

– Посуду переколочу! Стекла выбью!

– Плевать – будешь жить на осколках. – Он указал пальцем на дверь: – Уходи!

Женечка схватила в охапку куклу и почти бегом, насколько ей позволяли еще неокрепшие ноги, оставила столовую.

– Боже, Боже, – пробормотала Зоя, закрывая лицо руками. – Дай мне силы! – А когда отняла руки от лица и правую поспешно перехватил муж, крепко поцеловал и сжал в качестве поддержки, добавила: – Я сожгу эту куклу во дворе за домом и буду плясать вокруг костра. Не веришь, Паша? Еще раз она позволит себе подобное – я так сделаю.

С ней могли не общаться, ее могли не допускать на общие семейные трапезы, всячески игнорировать за дерзость и грубость, но запретить дочери гулять в любимом парке отец не решился. Это бы никак не способствовало ее выздоровлению. Тем более что и врачи сказали: пусть хоть часами гуляет – и ножки укрепляет, и сердечко. Да и мысли дурные скорее выветрятся. Пусть живет полной жизнью, которой она была лишена прежде. Зоя тоже не настаивала на очень строгом наказании: чем меньше Женечка бывала дома, чем реже мелькала у нее перед глазами ее злая, насмешливая физиономия, тем спокойнее было на душе у молодой хозяйки усадьбы. К счастью, стояли такие упоительные летние вечера, так волшебным журчал многоступенчатый фонтан с бронзовыми дельфинами в центре парка, что Женечка проводила долгие часы в своем излюбленном месте. Вот только зеленые звери более не радовали ее. Теперь они оставались сами по себе. А у нее была только зеленоглазая Лилит.

Пока девочка гуляла, Аннушка убиралась у нее – меняла постель, приносила еду. Куклу Женечка всегда забирала с собой.

Так случилось и в этот раз. Горничная вошла, когда Женечка принимала душ.

– Женя! – подойдя к дверям ванной комнаты, окликнула ее Аннушка. – Сейчас будешь ужинать или после прогулки?

– После! – откликнулась та.

– Через часика полтора?

– Да! Я с собой персиков возьму!

– Хорошо.

Аннушка отправилась на кухню за фруктами. А когда принесла их в миниатюрной корзинке, то против воли обратила внимание на куклу Лилит. Что-то с ней было не так, но только

что? Аннушка смотрела долго-долго и вдруг поняла: волосы! Они стали длиннее. Прежде ее рыжее каре едва касалось плеч, а теперь лежало на них. Они подросли! Поняв, что она не могла ошибиться, Анечка с глубоким вдохом закрыла рукой сердце и отступила. Кровь отхлынула от ее лица, колючая змейка пронеслась между лопаток. Глядя в зеленые глаза куклы, которые сейчас, кажется, смеялись над ней, горничная поняла, что кукла прочитала ее мысли. И тотчас услышала вкрадчивый голос: «Только никому ни слова, поняла?» Угроза звучала в этом вопросе. Сердце Аннушки затрепетало, как листочек на ветру. И она тотчас ответила про себя: «Никому не скажу! Честное слово!» – «То-то же», – глядя ей в глаза, сказала кукла. Или этот короткий диалог только представился ей? Послышался? Плохо соображая, с холодными пальцами, Аннушка пыталась разобраться в том, что произошло. Но докопаться до истины не успела, потому что Женечка вышла из ванной – в майке и с полотенцем на голове, как это делают взрослые женщины после бани. Забавно было смотреть на нее, такую деловую, собранную, уверенную в себе, севшую у зеркала и деловито перебросившую одну ножку на другую.

– Что, Аннушка? – спросила она у горничной, глядя на нее из зеркального отражения.

– Да нет, ничего. На тебя засмотрелась.

– За нос меня водишь, Аннушка? – лукаво вымолвила Женечка. – По глазам вижу, по голосу слышу. – Она взяла на палец крем и стала втирать в кожу лица. – Высоко сажу, далеко гляжу. Что еще там наша гадюка Зоя придумала? Ну? Гвоздей мне в завтрак приказала набросать? – шутила она или говорила серьезно, было не понять. – Или булавок, чтобы я дольше мучилась? Ну, признавайся?

Это звучало так по-взрослому, будто лет ей было куда больше, чем самой Аннушке.

– Зачем ты так, Женя?

– Ладно, шучу я.

– Шутки у тебя...

– Ну извини, милая.

Аннушка улыбнулась:

– Правда, на тебя засмотрелась. Ты такая взрослая сейчас, красивая...

– Спасибоочки.

– Ладно, уберусь, когда пойдешь гулять.

– Когда мы пойдем гулять, – поправила ее Женечка.

– Разумеется, когда вы с Лилит пойдете гулять.

Она вернулась через полчаса, когда юной хозяйки и ее проклятушей куклы уже не было. Убираясь, она увидела на подоконнике солидный полевой бинокль, который тут лежал постоянно. Сидя в колясочке, Женечка часто смотрела через него, приближала этот притягательный мир, так жестоко ускользнувший от нее, смаковала детали. Аннушка исправно вытирала с бинокля пыль, перекладывала с места на место. А теперь взяла его и осторожно поднесла к глазам – и отдаленный мир приблизился с невероятной силой. Оказался буквально как на ладони! Листья дубов, иглы сосен. Пучеглазая настороженная белка, застывшая на стволе рыжей сосны. Даже далекая ограда и та предстала во всем великолепии фигурного чугунного литья. Аннушка водила биноклем туда и сюда, улыбалась и уже хотела было положить его на место, когда поймала оптикой Женечку с рюкзачком за спиной и куклой в руках.

Та направлялась в сторону ограды. А потом горничная увидела и человека, к которому шла девочка, – это был длинный, тощий старик в джинсовом костюме с уложенной копной густых седых волос. И смотрел он на Женечку так, будто после долгой разлуки увидел свою ненаглядную внучку, с которой его разлучили. Аннушка хорошо могла разглядеть лицо старика, доброе и немного несчастное, и совсем не видела лица Женечки, та оказалась к окнам особняка спиной. Они стояли друг против друга и разговаривали через решетку так, будто знали друг друга тысячу лет. Как отметила Аннушка, лицо старика становилось все несчастнее и несчастнее. Но еще и гнев примешивался к его эмоциям, словно каждым словом его обижали

до глубины души. Потом Женечка повернулась и с каменным, неприступным лицом зашагала в сторону дома. А старик с перекошенным болью лицом так и остался стоять у решетки, кажется, готовый вот-вот без сил грохнуться наземь.

«Кто же это был? – размышляла Аннушка. – И что у него за дела с двенадцатилетней девчушкой? Может, какой-то дальний родственник Оскоминых? Отвергнутый, выброшенный за проступок на улицу?»

Додумать она не успела. Старик, убитый каким-то известием, уходил прочь, но нашел в себе силы последний раз оглянуться. И вот тут суеверная Аннушка обмерла. Лицо старика изменилось так, словно его опалили адским пламенем. Оно исказилось неестественным образом, став таким, какие отражаются только в кривых зеркалах. Горничная даже не сразу сообразила, что раздосадованная Женечка прервала прогулку и возвращается домой быстрым шагом. Аннушка положила бинокль на подоконник, прошла мимо столика, за которым недавно сушила феном и расчесывала волосы Женечка, но остановилась. Она вспомнила о волосах Лилит. Красной массажной щеткой Женечка причесывалась сама, а синей заботливо расчесывала волосы своей «сестренке». Аннушка оглянулась на дверь, взяла синюю расческу и выхватила из нее с десятков рыжих волос куклы Лилит. Сунув кулачок в карман халата, она посмотрела на красную расческу и, чуть помедлив, то же самое проделала с ней. И только потом торопливо направилась к дверям.

3

Они жили словно в разных мирах. В одном – чета Оскоминых, в другом – Женечка и Лилит. Павлу Константиновичу стоило больших трудов игнорировать дочь, он явно мучился, Женечка не замечала отца с высокомерием несправедливо заточенной в темницу победительницы.

Приезжая с работы, Оскомин из-за ограды с печалью смотрел на свой роскошный дворец, который сам спроектировал до каждого фриза и следил за строительством до укладки последнего кирпича. Всю душу и двадцать состояний он вложил в него. Центральное здание с парадной лестницей и шестью колоннами, с воистину дворцовым потолком и гигантской хрустальной люстрой, двумя полукруговыми лестницами. Два флигеля – правый для них с супругой, левый – для будущих детей. Многоступенчатый фонтан перед усадьбой. Парк с фигурными зверями. За этот фонтан с бронзовыми дельфинами, за дом с флигелями в классическом стиле, за благоустроенный парк роскошное поместье Павла Оскомина кто-то в шутку прозвал «Павловским дворцом». Так и понеслась молва по миру. Но счастливой жизни не вышло. Зоя потеряла возможность иметь детей, оба стали выпивать, только он втайне, а супруга напоказ, а теперь еще и дочка вела себя так, будто ее укусила бешеная собака.

Только Зоя Владимировна и отдыхала в эти дни, когда присутствие Женечки в доме было минимальным. Связующим звеном между хозяйской четой и «дерзкой и неблагодарной девчонкой», как назвал дочку взбешенный отец, была прислуга. Аннушка никому не рассказала о том, что Женечка говорила с незнакомым стариком за оградой. Она приставала с расспросами к Илоне, нет ли у Оскоминых брошенного родственника, но та ответила: «Я их фамильного древа не видела. Почему бы тебе не спросить у самого Павла Константиновича?» После этого Аннушка от нее отстала. И никому, разумеется, любопытная горничная не сказала о краже волос с расчески Лилит.

Еще через неделю после истории со стариком горничная Аннушка, проходя мимо комнаты Женечки, остановилась и прислушалась. За дверью говорили две женщины: юная и взрослая. Один голос принадлежал «их капризуле», а вот другой – незнакомке. Не Зое Владимировне, не Илоне. ДРУГОЙ. И гостей в особняке тоже не было, это Аннушка знала очень хорошо, и час уже наступил поздний.

«И что мы будем с ними делать? – спросила Женечка. – Мы ведь должны их наказать?»
«Еще как должны», – вкрадчиво подтвердила ее собеседница.

«Так что?»

«А ты сама как думаешь?» – ответила вопросом незнакомка.

«Понятия не имею».

«А ты подумай, сестренка».

Аннушка зажала рукой рот: «Сестренка!»

«Ну, думай, думай», – поторопила Женечку взрослая дама.

«Краской стены измажем?»

«Это что за детский сад? Думай лучше», – посоветовали девочке.

«А может, затопим дом? Откроем все краны, а дырки тряпками забьем?»

«Ты такая затейница! – рассмеялась ее собеседница. – Это будет запасной вариант, подумай еще...»

«Или подожжем его?» – спросила Женечка так запросто, словно у нее неподалеку была припрятана канистра с бензином и коробок спичек только и ждал, чтобы его пустили в ход.

«О! – воскликнула незнакомка. – А вот это хороший вариант. Смелый, дерзкий! Как раз для таких, как мы! Кто может постоять за себя! Помню, была у меня соперница, хотела парня отбить. Так я ей волосы подожгла».

«Волосы?!»

«Да! Как она забегала! Юлой закрутилась! Что-нибудь поджечь – это как войну объявить! Всех проучим!»

Аннушка сорвалась с места и опрометью понеслась в хозяйские комнаты. По дороге натолкнулась на Илону, поднимающуюся по лестнице, на бегу бросила:

– В комнате капризули какая-то женщина, дом хотят поджечь!

– Какой дом?

– Наш!

– Ты обкурилась, что ли? – бросила ей в спину Илона.

– Правду говорю, ей-богу!

Илона с места не сдвинулась, решила дожждаться хозяев. Как-никак за дом в первую очередь отвечала именно она. Через пару минут вчетвером они подходили к дверям комнаты хозяйской дочери. В руке Павла Константиновича был зажат пистолет – подарок старого друга, вояки и охотника. Он прятал его в сейфе за надежным замком. А теперь мог и пригодиться. Напугать непрошенных гостей!

Они прислушались. Смех! Девчачий, звонкий – Женечки, молодой и задорный женский – незнакомки, ее гости. «Как, как они побегут?» – азартно спросила Женечка. «Да как поросятки с опаленными хвостиками! – засмеялась ее поздняя гостья. – Врассыпную! И не поймешь!»

– Я войду первой, – сказала Илона. – И покажу поросенок с хвостиками!

Она толкнула дверь, они всей гурьбой ввалились в детскую и завертели головами. В комнате была одна только Женечка, и она сидела на своей кровати в обнимку с Лилит. Павел Константинович спрятал пистолет в карман халата. На всякий случай Илона проверила два шкафа – ничего, кроме одежды. И никого. Павел Константинович не мог отвести взгляда от дочери и скрыть изумления. В глазах его Женечки кипели неприкрытая злоба, гнев и ненависть: ко всем, кто сейчас ворвался в ее комнату. Кто разрушал ее мир – так ей, несомненно, казалось в эту минуту. В том числе кипела ненависть и к своему отцу.

– Тут кто-то был? – на всякий случай спросил Павел Константинович, но примирительным тоном.

– Отвечай, Женя, – почти приказала мачеха. – Мы настаиваем.

– Плевать я хотела!

– Не дерзи.

– Кажется, мы договорились, – процедила Женечка. – Вы не трогаете нас, а мы – вас.

– Хватит! Кто тут сейчас говорил кроме тебя? – вновь спросила Зоя.

Женечка засмеялась, но беззвучно, колко глядя на свих гостей.

– А вы угадajte, – почти прошипела она.

– Ужас какой, – пролепетала Аннушка и отступила.

– Доченька, – примирительно заговорил Павел Константинович, который все эти дни корил себя за строгость к родной дочери, – не надо так, прошу тебя! Хватит уже травить нас.

– Мы вас не ждали, – прижимая к себе рыжеволосую куклу, которую ненавидел весь дом, ответила Женечка. – Уходите! Сейчас же. Иначе лицо себе в кровь расцарапаю. Не узнаете! А еще позвоню в полицию и скажу, что это вы сделали. Пусть вас ювенальный суд за решетку упрячет. Поделом!

Родители переглянулись. Илона и Аннушка тоже. Не говоря больше ни слова, все затопились в коридор. Оскомин аккуратно закрыл дверь в детскую.

– Ювенальный суд? – поморщился он.

– Они сейчас грамотные, – тихо сказала Илона.

– Такая маленькая и уже стерва, – выдохнула Зоя. – Курить хочу!

Все отошли от дверей Женечки.

– Но голос, тот, чужой женщины, – ведь мы его все слышали? – почти взмолилась Аннушка. – Да? И про поросят?

– Слышали, слышали, – кивнула Илона.

– Лучше бы там кто-то был, – резюмировала Зоя. – Страшная ведьма. Мегера. Было бы легче и понятнее, чем вот так: девочка и кукла.

– Так кто же это был, Зоя Владимировна? – готова была заплакать Аннушка. – Ну правда?

– Ты же слышала, что мы побежим как поросятки, когда загорится дом?

– Слышала, – кивнула та.

– Это был тот, кто хочет нас убить.

Все напряженно молчали.

– Хорошо, наша спальня запирается, – глянула в глубь коридора Зоя. – А то бы я не заснула.

– Не сгущай краски, дорогая, – попросил муж. – И не пугай наших работниц, пожалуйста.

– Если бы я сгущала краски, дорогой, я бы сейчас вызвала такси и поехала в городскую квартиру. Или в гостиницу, о которой твоя дочь ничего не знает.

– О Господи, – трагично выдохнул Павел Константинович.

– Женечку выпускать из комнаты нельзя, – ультимативно высказалась Зоя.

– Нельзя, – замотала головой Аннушка.

Уже одно то, что девочка с куклой может появиться на ее пороге среди ночи, приводило горничную в ужас.

– Согласна, – кивнула Илона.

– Я попрошу нашего водителя подежурить у ее комнаты, – успокоил женщин Павел Константинович. – Только не посвящайте Федора в подробности.

– Пусть дверь придавит креслом покрепче, – очень серьезно подсказала Зоя. – И сидит в нем.

– Разумеется, – согласился муж.

Они попрощались с прислугой, вошли в спальню, Зоя щелкнула замком. Подергала ручку двери. Выпила бокал вина, подошла к окну, закурила. Не снимая халат, Оскомин вытянулся на кровати. Он изводил себя вопросами, где поступил правильно, а где нет, и догадками, представлявшими из себя лабиринт с тысячами коридоров.

Наконец Павел Константинович рывком сел.

– Что до этого голоса, Зоенька, ну, чужого, то чревовещание пока никто не отменял, – запинаясь, пробормотал он. – Девочка так играет, может быть? Говорит за себя и за выдуманных персонажей.

– Чревовещание? – усмехнулась Зоя. – Персонажи? Она училась в театральном училище? Стажировалась в цирке? Ей двенадцать лет. Ты слышал голос. Ей такого диапазона не хватит. Это был голос молодой женщины лет двадцати пяти – тридцати. Моей ровесницы, – уточнила она. – А у Жени голос пока даже не стал ломаться. Еще месяц назад это была обычная капризная девочка в коляске. А теперь Аннушка слышит про пожар, который пророчит какая-то адская сволочь. Есть еще вариант, но я не хотела его озвучивать при нашей прислуге.

– И какой?

Зоя пустила струйку белого дыма в сторону открытого окна.

– Что это говорила кукла, Паша.

– Смеешься?

– Нет, я очень серьезна.

– Ты смеешься, Зоя.

– Пора разводить костер и сжигать маленькую ведьму, – глядя в ночь, сказала она и потушила в пепельнице окурки. – Я тебе тогда не просто так об этом сказала. Если ты этого не сделаешь, это сделаю я! Теперь уже наверняка. Я не шучу, Паша!

Женечка появилась на завтраке неожиданно. Как будто ничего и не было – ни перепалки с оскорблениями в столовой, ни ночных угроз в ее комнате. Как всегда с куклой в руках. Чета Оскоминых переглянулась. Зоя прервала трапезу, отложила приборы и глаз не сводила с падчерицы. Павел Константинович тоже перестал есть. Женечка села на свое место, посадила на соседний стул куклу. Взяла чайную ложку и звонко забарабанила по блюду.

– Аннушка, я хочу свою кашу, сок, две сосиски и тосты с повидлом!

Горничная, выполнявшая роль официантки, быстро вошла, но по движению руки хозяйки застыла на месте.

– Ты наказана, Женя, встань и выйди из-за стола, – строго сказал отец девочки. – Твой завтрак у тебя в комнате. Так, Аннушка?

– Разумеется, Павел Константинович, – кивнула та. – Я сделала все, как вы мне сказали.

– Встань и иди есть к себе, – повторил отец.

– И не подумаю, – ответила девочка. – Мне нравится завтракать здесь.

– Ты слышала отца, – ледяным тоном произнесла Зоя. – Отправляйся в свою комнату.

– Может, вы меня в тюрьму посадите? – с вызовом спросила девочка.

– Может быть, – кивнула Зоя.

– Или сразу расстреляете? – уточнила Женечка. – Посмотри на них, Лилит, хороши, правда? – обратилась она к лучшей подруге. – Папочка – подкаблучник: все, что ему скажет эта змея, он тут же выполняет. А мачеха... Тебе не кажется, Лилит, что наша так называемая «мама Зоя» слишком много пьет? Я не про апельсиновый сок, конечно. Вино, пиво, вискарик? Что она просто алкоголичка? Не пора ли ей лечиться в клинике? Ты тоже так думаешь? Ха! Здорово, что мы думаем одинаково.

– Ну, хватит! – взорвалась хозяйка. – Ты меня уже достала со своей куклой!

На крики в столовую поспешно вошла Илона. Аннушка тотчас выбежала вон.

– А еще что ты о ней думаешь, Лилит?

– Прекрати этот спектакль, Женя, – резко сказал отец.

Но куда там!

– Например, что она вышла за моего отца из-за денег? – продолжала Женечка. – Конечно, это так. Что на самом деле она – похотливая, жадная сука? Ой, прости, Зоя, но это слова Лилит. – Женечка подняла бровки: – Она попала в самую точку, верно?

Зоя не выдержала и вскочила со стула. Она уже дотянулась до куклы.

– Не смей касаться ее! – завопила Женечка.

– Сейчас!

– Не смей!

– Оболю бензином и сожгу! Сейчас же, во дворе!

Но со своего места подскочила и Женечка. В ее руке сверкнул широкий столовый нож. Он был нацелен на шею мачехи, но та, выпустив куклу, вовремя закрылась рукой. Со всей силой нож ударил по тонкой кисти Зои. Вены взбухли, из глубокого разреза через всю тыльную сторону ладони густо брызнула кровь. Зоя зажала рану здоровой рукой, страшно побледнела и отступила.

– Сучка! – захлебнувшись болью, только и выдохнула она. – Тварь...

– Сама такая!

– Нож! – завопил Оскомин дочери. – Отдай нож! Сейчас же!

Но Женечка отскочила в сторону, приняла воинственную стойку и стала автоматически тыкать ножом и в отца, и в подступающую к ней с другой стороны Илону. Отца и домработницу эти движения мигом остановили. Левой рукой она изо всех сил прижимала к себе Лилит, обороняя ее.

Бледная как полотно, Зоя опустила на стул.

– В колонию у меня поедешь, для несовершеннолетних, вместе со своей куклой, – сказала она, ее качнуло, и, теряя сознание, Зоя повалилась на пол.

Только тут до Женечки дошло, что она совершила немыслимое, противозаконное, непростительное. Сжимая столовый нож, она прошла в трех шагах от Илоны, отшатнувшейся от нее, у дверей отбросила оружие и вышла из столовой.

Схватив полотенце, Илона метнулась к истекающей кровью Зое. Павел Дмитриевич, несколько секунд находившийся в ступоре, очнулся и бросился к жене.

– Илона, аптечку! И звони в «Скорую», быстро!

4

Все изменилось в доме Оскоминых. Женечку записали в опасные психопатки и положили в дорогую частную лечебницу. Только на такой вариант Зоя и согласилась. Когда врачи решили забрать у юной пациентки Лилит, она закатила такую истерику, что куклу девочке оставили. С ней она немедленно затихала и словно уходила в себя. Но тем, кто знал подоплеку конфликта, было ясно: девочка с куклой просто затаилась и ждет своего часа. Аннушка уволилась на следующий день после кровавого конфликта. Попросту сбежала без оглядки. Илону едва уговорили остаться, увеличив зарплату вдвое. Павел Константинович не хотел новых людей в доме. Зоя перенесла две сложных операции на руке, впереди была третья – пластическая. Но шрам, как ей сказали, все равно останется.

Когда Зоя вернулась из клиники, она сказала мужу:

– Тебе придется выбирать, дорогой: либо я, либо она. Тебя я ни в чем не виню, ты и сам стал жертвой этого кошмара, но под одной крышей с твоей дочерью мне не жить.

Павел Константинович перечить не стал – он прекрасно осознавал правоту жены. Оскомин пытался дозвониться до Беспалова, но тот не брал трубку. Вместе с Зоей они решили навестить кукольника – «отца» Лилит. За рулем был дюжий водитель и телохранитель Оскомина – Федор. Но Саввы Андроновича Беспалова, кукольного гения и мага, они не застали. С ними говорил его ученик Гришаня, – так он представился сам, худощавый, жилистый, некрасивый молодой человек с хищным, как у птицы, лицом. Беспалов, якобы, уехал к родне в другой город, когда вернется – неизвестно. Мастер никого не посвящает в свои планы.

– Посмотри на эту резьбу, – кивнул Павел Константинович на фасад дома, укрытый густым деревянным орнаментом, древними знаками и символами, – тут просто память веков сосредоточена. Каждая загогулина – своего рода иероглиф с тайным смыслом.

– Запечатлеем, – сказала Зоя, вытащила телефон и наделала снимков. – С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Но когда Оскомины садились в машину, Зоя увидела, как дрогнула занавеска в одной из комнат, а именно в мастерской. Гришаня стоял на крыльце и провожал их взглядом, терпеливо ожидая, когда незваные гости уберутся восвояси.

– Старый черт, как пить дать, спрятался дома, – уже на заднем сиденье сказала Зоя. – Просто не захотел говорить с нами.

– Все равно бы он ничего не сказал, – погруженный в невеселые размышления, откликнулся ее муж.

Приближался день выписки Женечки. Не зная, как себя вести, Павел Константинович мучился и страдал, ведь вся их семейная жизнь пошла наперекосяк; нервничала Зоя, выстукивая ноготками резвые воинственные марши.

– Я уеду на пару недель в город, – сказала она. – А ты пока разберись, как быть с дочерью.

– Примирение никак невозможно? – жалобно поинтересовался Оскомин.

Было ясно – он хватался за соломинку. Вновь дал слабинку и пытался исправить ситуацию.

– Ты спятил, Паша? – с насмешкой спросила она и подняла забинтованную кисть. – Уже забыл, что этой рукой я прикрыла шею? Или ты забыл, что того столового ножа, которым она меня чуть не разделала, на столе не было? Она заранее стащила его из кухни. Твоя Женечка готовила нападение. Скандал и нападение! Вернее, его готовила Лилит!

С искренней мукой на лице он покачал головой:

– Ты серьезно это говоришь? Мы же взрослые люди, Зоенька!

И вновь Зоя показала искалеченную руку:

– Вот мой аргумент, дорогой. Другого не надо. Веришь ты или нет, но с появлением куклы твоя дочь превратилась в монстра. Если это еще твоя дочь, – мрачно усмехнулась она.

За день до возвращения Женечки домработница Илона взяла недельный отпуск за свой счет – она тоже не хотела видеть спятившую девочку и подвергать себя возможной опасности. Водитель Федор практически не вылезал из гаража – и он решил держаться в стороне от буйнопомешанной хозяйской дочери.

В тот вечер Оскомины ужинали в дорогом ресторане. Решили выползти на люди, развлечь себя, но веселья не вышло, ели почти молчком. Затем была обратная дорога в усадьбу. И опять они молчали. Темное стекло отгораживало Оскоминых от водителя.

– Я знаю, твою дочь подменили, – глядя в окно, на светившийся огоньками спящий пригород, вдруг сказала Зоя.

– Кто? – спросил Павел Константинович.

– Дьявол, – ответила его жена.

– Ты ведь шутишь, правда?

Больше она не проронила ни слова. И он тоже. Когда они приехали домой и вышли из машины, то увидели в холле на втором этаже свет – вполсилы горела огромная хрустальная люстра, гордость маленького дворца Оскоминых.

– Забыли выключить, – кивнул Павел Константинович.

– Не помню, было еще светло, когда мы уезжали, – устало пожала плечами Зоя. – Господи, я выжата, как лимон! Как будто меня мучили и пытали. Во сколько ты завтра пошлешь за ней машину?

– В обед.

– Значит, я уеду в город утром.

– Как скажешь, дорогая.

– Надо было остаться уже сегодня.

– И бросить меня одного?

Они вошли в свой дворец, – всюду вспыхнул свет, – и потащились вверх по крутой лестнице. Настроения не было ни у Павла Константиновича, ни у его супруги. Хотелось повалиться в кровать, и только. Но чем выше они поднимались, тем тревожнее и чаще стучали сердца обоих супругов.

– Черт! – вырвалось у Зои, когда им оставалось всего несколько ступеней.

На диванчике, у балкона над холлом, сидела в походном джинсовом костюме Женечка. В руках она держала куклу, рядом лежал ее рюкзачок.

– А я вас заждаюсь, – сообщила девочка таким голосом, словно была самой примерной в мире дочкой. – Уже два яблока сгрызла – так проголодалась. Сижу и жду. А дорогих родителей все нет и нет.

– Что ты здесь делаешь сегодня? – настороженно спросил отец.

– Я решила выписаться раньше, папочка, – как ни в чем не бывало сообщила его дочь. – Было сложно, но я смогла.

Елейный голосок и наглый тон выдавали ее – как ветерок перед надвигающимся штормом.

– Звони в клинику, – распорядилась Зоя. – Не удивлюсь, если она вырезала всю охрану и сбежала.

– Смешно, – весело кивнула Женечка. – Вырезала, но только половину – остальные разбежались.

– Встань и покажи руки, – приказал отец. – Немедленно!

– Хорошо, папочка. – Дочка встала с диванчика, подняла руки, повернулась. – Так сойдем?

– Выверни карманы, – потребовала Зоя.

– А вот ты мне не указ, – совсем другим тоном парировала Женечка. – Сучка!

– Как раз я тебе и указ, сучка, – подхватив ее тон, ответила Зоя. – Твое место в колонии для несовершеннолетних, а не в лечебнице. Тебе и твоей зомбокукле. И если ты не закроешь свой поганый рот и не будешь делать то, что мы тебе говорим с твоим отцом, то именно там и окажешься!

В кармане Павла Константиновича зазвонил телефон. Он поспешно достал трубку, отошел в глубь балкона.

– Алло? Да, это я. Из клиники? Сбежала? Что она натворила? Что?! Господи, Господи...

– Что она натворила? – чувствуя недоброе, спросила Зоя.

Хозяйка сама не заметила, как девочка с куклой оказалась перед ее носом.

– Привет, – с улыбкой прошептала Женечка и подбросила куклу. Зоя непроизвольно вскинула голову – там, под потолком, подобно заправской эквилибристке, Лилит делала свое сальто-мортале. И тотчас растерявшаяся мачеха получила сильный толчок в грудь. Зоя отступила – и получила еще один толчок, куда более сильный. А за ним и третий – роковой. Этот ее шаг пришелся в пустоту – и Зоя, всплеснув руками, полетела с лестницы, упала с тяжелым воплем, а потом покатила кубарем. Через десять секунд она лежала внизу, на полу холла, изломанная и непохожая на себя.

– Зоя! – подлетев к краю лестницы, что есть силы завопил Оскомин. – Зоя...

– Как старая поломанная кукла, да, Лилит? – вздохнула за его спиной Женечка. Она только что поймала свою куклу и стояла с ней в обнимку. – Бедная, бедная Зоя. – Она помахала ручкой: – Прощай, Зоя!

Поняв, что стоит у края лестницы и сам находится под ударом, Павел Константинович отскочил в сторону.

– Не приближайся ко мне, – процедил он.

– Хорошо, – согласилась его дочь. – Будем общаться на дистанции, папочка. А так жаль, ведь общаться нам осталось совсем недолго. Или обнимешь свою дочурку? – Она протянула к нему руку. – Ну же, папочка? Тогда, может быть, я и прощу тебя? Обнимемся все вместе: ты, я – Лилит. Станем одной семьей? У нас еще есть шанс все исправить, хотя Лилит тебе больше не верит. Но я умоляю ее, правда.

Оскомин сорвался с места и побежал по коридору. В своем кабинете он дрожащими руками с третьей попытки набрал код сейфа, отвел тяжелую дверь и стал хлопать по стальной полке. Кроме пачек денег и двух коробок с драгоценностями он ничего не обнаружил.

– Ты это ищешь, папочка? – спросили у него из-за спины.

Он стремительно обернулся. На пороге его кабинета стояла Женечка. В правой руке она сжимала пистолет. Пауза вышла долгой и мучительной.

– Это что, мой?

– Ага.

Мысли Павла Оскомины путались. Внизу под лестницей лежала его изломанная и, скорее всего, мертвая жена, при падении сломавшая шею. А спятившая дочь целилась в него из пистолета.

– Будь с ним осторожна, прошу тебя, – предостерег он.

– Буду, папочка.

Ему нужны были ответы.

– Как ты узнала код сейфа?

– Лилит подсказала – она такая умница. Ну ты и сам знаешь.

– Теперь точно знаю.

– Хорошо... Нет, – подумав, она отрицательно покачала головой, – мы не прощаем тебя. Даже я. Увы.

– За что... не прощаете?

– Ты предал нас.

– Кого – нас?

– Ты предал память о нашей маме. Это во-первых.

– Я не предавал ее – она умерла. Ты же знаешь: я любил твою мать.

Но Женечка его не слышала – не хотела слышать.

– Ты выбрал свою подлую и жадную сучку, а не родных дочек. Это во-вторых.

– У меня только одна дочь – это ты. Лилит мне не дочь.

– Если она моя любимая сестренка, то и твоя дочь тоже.

Павлу Константиновичу было страшно стоять под прицелом пистолета в руках неуравновешенного ребенка, но злость и негодование уже закипали в нем.

– Хватит! Женя, перестань говорить про сестренку!

– И ты не захотел обняться с нами – это три. А ведь это был твой последний шанс.

Но он тоже больше не хотел слышать ее:

– Нет никаких сестренки и не было! Ты все выдумала! И твоя мама умерла, и часть меня умерла вместе с ней, но жизнь продолжалась. А сейчас я приказываю тебе положить оружие на стол и отойти от него на два шага. Я твой отец, и ты должна слушать меня!

– На два шага? А почему не на три?

– Можешь отойти на три.

– А на четыре можно?

Дочь издевалась над ним. Ее жестокая язвительная улыбка только подтверждала его догадки. Как и все последние дни, она была ведомой. Ею руководили, завладев полностью, управляли ее мыслями, речью и поступками. Говорить с ней сейчас было так же бессмысленно, как со стеной.

– Прощу тебя, отдай пистолет, – он шагнул вперед.

– Стой, – сказала она.

Но он сделал еще шаг к дочери.

– Стой где стоишь! – Ее лицо мучительно исказилось. – Я не хочу этого делать, папа!

– Так не делай!

Но он не послушал ее, потому что до конца не верил в самое плохое. Тотчас грянул выстрел – и обжигающий металл опалил живот Павла Константиновича Оскомина. Закричав, он схватился за рану, покачнулся и бухнулся на колени, а затем повалился на бок. Кровь сочилась через пальцы, расплзалась темной лужей по паркету. Силы быстро покидали его.

– Женечка... – прошептал он.

Дочь стояла над ним и безразлично смотрела сверху вниз.

– Милая...

– Я больше не Женечка, – ответила как ни в чем не бывало рыжая девочка в джинсовом костюме. – Женечки больше нет. С этого самого момента.

В глазах Оскомина все плыло. Он задыхался от боли, теряя способность дышать, и подступающего отчаяния.

– Нет?

– Нет. Я очень надеюсь на это.

– Моей дочери больше нет? А ты?..

– Вы знаете, как меня зовут, уважаемый Павел Константинович.

– Знаю...

– Так назовите мое имя.

Он упрямо молчал.

– Ну же?

– Лилит, – хрипло выговорил Оскомин.

– Именно – Лилит.

В глазах его стремительно темнело, но он успел задать последние три вопроса:

– Кто ты?.. Откуда?.. Что тебе надо?

Ответ девочки лишь краем черного крыла коснулся его слуха: «Я получила то, что хотела: я вернулась домой...» Были и другие слова, но они вместе с душой Павла Константиновича Оскомина навсегда ушли в небытие.

Девочка выгребла содержимое сейфа, упаковала в ранец и забросила его за спину, а потом аккуратно закрыла дверцу. Дойдя до дверей, оглянулась на мертвое тело, перешагнула порог и закрыла за собой дверь кабинета. Она прошла коридорами и вновь оказалась на широком балконе, что нависал над гигантским холлом. И уже там посмотрелась в зеркало, что было вмонтировано в стену напротив диванчика.

– Кто я?.. Откуда?.. Что мне надо? – спросила она у своего отражения. И тотчас разочарованно вздохнула: – Ну почему я такая маленькая? Пигалица? Двенадцатилетняя сопля? Почему этот старый дурак не отправил меня к знаменитой оперной диве, которая разбивает сердца тысячам поклонников? Вот где бы я разгулялась! – Она вертелась перед зеркалом и совсем по-девчачьи строила рожи: морщила нос, щурила глаза, выкатывала губы в трубочку. – А так? Как мне жить дальше в мире взрослых? Вот же старый козел. Одно хорошо – симпатичная. Повзрослею – разберусь.

Внизу, под левой лестницей, лежала изломанная мертвая женщина. А в общем интерьере выглядел вполне обычным – роскошным и умиротворенным, готовым встретить еще одну загородную летнюю ночь, полную свежести, мерцающего света звезд, шепота листьев и треска цикад. Все было бы именно так, если бы не новые обстоятельства.

Левой рукой рыжеволосая девочка взяла очень похожую на нее куклу, в правой она по-прежнему держала пистолет. Девочка посмотрела в зеленые глаза лучшей подруги и заговорила улыбаясь:

– А теперь, милая, нам нужно будет раздобыть канистру бензина. А еще лучше две. Ну разумеется, идем в гараж. – Она взглянула на пистолет и печально вздохнула: – Бедный, бедный дядя Федор!

Часть вторая Улыбка Афродиты

Глава первая Роза в целлофане

1

Яркий солнечный луч располосовал рабочий стол старшего следователя убойного отдела капитана Андрея Крымова. Зажег исписанные листы, стеклянный пенал для ручек. Детектив Крымов, отъехав на кресле от стола, развернул газету «Будни» и прочитал: «Пожар в усадьбе предпринимателя Павла Оскомина в Серебряных Ключах. Обнаружено три обгоревших трупа. Ведется следствие».

Через стол, усевшись в кресло у стены, курила его коллега «большая Галя», как ее прозвали в управлении, или Галина Пантелеевна Добролюбова, майор полиции из того же убойного.

– Я так хотела взять это дело себе, да ты, паразит, перебил, – сказала она.

– У тебя воровство в особо крупных размерах на складе нефтепродуктов, – заметил Крымов. – Впереди разборки с мафией, погони, засады и перестрелки.

– Не накаркай.

– А что? Романтика, Галя. А у меня мыльная опера с кровавым финалом и пепелищем. Сгоревшая усадьба за городом, убитые богачи, пропавший ребенок. Одним словом, чистая Бразилия: богатые тоже плачут.

– В подробности посвятишь? Есть что-то новое?

– Что-то есть. Павел Константинович Оскомин, сорока четырех лет, предприниматель, строитель, архитектор, глава компании «Дом под солнцем», был застрелен из пистолета в своем кабинете. В живот, одной пулей. Его жена, Зоя Владимировна Оскомина, двадцати восьми лет, бывшая модель, упала с парадной лестницы в своем дворце – умерла от перелома позвоночника шейного отдела. И вообще – вся переломалась бедняжка. Их водитель и телохранитель Федор Игнатьевич Кременчугов, сорока двух лет, умер от выстрела в сердце в гараже. Из того же пистолета, что и Оскомин. Пистолет был зажат в правой руке покойного Кременчугова.

– Все ясно, – усмехнулась «большая Галя», добивая удушливую сигарету до самого фильтра. – Старая, как мир, история. У мужа и жены проблемы в браке. Они ссорятся. А тут – водитель нарисовался. Бугай, самец. – Она потушила окурок в горшке с уродливым желтым кактусом, где тушил окурки и сам Крымов, и подняла палец: – Телохранитель. Ключевое слово какое?

– Хранитель?

– Тело!

– А-а.

– Вот так, капитан. У водителя и модели завязывается роман. Модельные дамочки, типа королевки, которым все приедается, за которыми все носятся, иногда очень падки на крутых мужиков из народа. На таких, знаешь...

– Самцов?

– Ну да.

– Это ты из своей практики знаешь, моделью работала?

– Убью!

– А, из фильмов и сериалов?

– Убью, говорю. Элементарная женская психология.

– Понял. Буду знать.

Она закурила новую сигарету.

– Ты хочешь окончательно отравить меня? – поинтересовался он.

– Разумеется, капитан. Муж узнаёт про их связь, у супругов бешеный скандал, он стелкивает жену с лестницы. Водитель в состоянии аффекта убивает мужа, а потом стреляется сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.